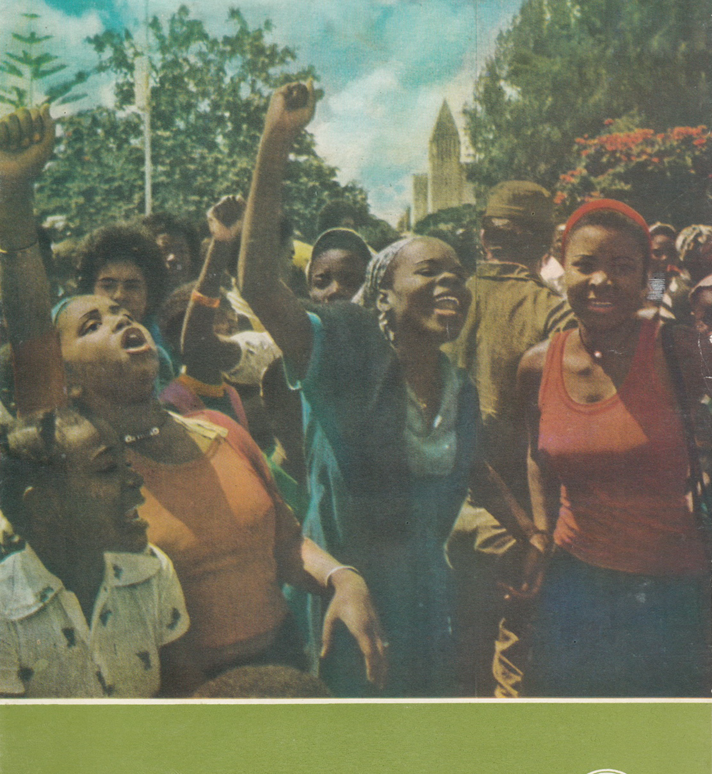

РОВЕСНИК

3

1977

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Март, 1977 год, № 3

На первой странице обложки: они из Анголы — страны, народ которой, освободившись от колониализма, строит новую жизнь. Потому в них столько задора и энтузиазма; но еще, конечно, и потому, что они молоды, как молода и их республика.

БЕЗГРАНИЧНЫЙ МИР И ТОЧКА ЗРЕНИЯ
и
другие материалы о том, как средства массовой информации Запада конструируют общественное сознание.

ЧИКАГО. Растет влияние марксистско-ленинской организации Союз молодых рабочих за освобождение (СМРО), созданной в 1970 году. Отделения союза действуют уже более чем в 70 городах. Лозунг молодых американских коммунистов «Социализм для нынешнего поколения!» привлекает широкие слои трудящихся, потому что это означает — гарантированная работа, мир, социальный прогресс.

БАНГКОК. Самым жестоким гонениям со стороны правительства, пришедшего к власти в результате государственного переворота осенью 1976 года, подверглось прогрессивное студенчество Таиланда. Сотни молодых людей были брошены в тюрьмы, подверглись пыткам и истязаниям. «Вина» их состояла в том, что они протестовали против милитаристского режима в стране, против коррупции и фашизма. С приходом к власти правых сил репрессии в первую очередь ударили по студентам. Их объявили «коммунистической оппозицией», которую надлежит немедленно уничтожить, что и выполнялось весьма последовательно. Во время кровавой резни в университете Таммасад было зверски убито 300 студентов (по официальной версии — лишь 40).

На снимке: полиция атакует университет, где забаррикадировались левые студенты.

РИМ. По данным миланского еженедельника «Панорама», в Италии насчитывается 774 тысячи молодых безработных. Из них 619 тысяч еще и не начинали работать. Даже диплом не гарантирует трудоустройства: 273 тысячи обивающих пороги предприятий и учреждений — выпускники высших и средних учебных заведений. «Положение просто отчаянное, — считает социолог Франческо Альберони. — Безработица среди молодежи растет, и есть основания полагать, что к началу 80-х годов она затронет три миллиона человек».

ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ. По сообщениям западногерманской печати, демократические молодежные организации страны проводят демонстрации протеста против роста безработицы, которая особенно сильно бьет по тем, кто еще только начинает трудовую жизнь, против кризиса в системе образования и пресловутого закона о запрете на профессии. 12 тысяч студентов Тюбингена вышли на улицы, протестуя против сокращения субсидий на образование. Молодежь Ганновера поддержала это требование, организовав массовую демонстрацию. Молодое поколение ФРГ требует от правительства, чтобы оно меньше тратило средств на армию и полицию.

На снимке: «Миру нужен хлеб, а не вооружение» — с такими плакатами выходит на улицу протестующая молодежь ФРГ.

КИТО. «Наш народ стремится вернуть стране нефть, находящуюся в руках алчных американских нефтяных монополий. Эквадорский народ и представляющие его организации с каждым днем все больше осознают необходимость национализации нефтяной промышленности. Вместе с рабочим классом, объединенным в трех основных профсоюзных федерациях, решительно выступают крестьяне, студенты, преподаватели, ремесленники и все демократически, прогрессивно и по-революционному настроенные слои населения», — говорится в заявлении координационного комитета, организующего поход в поддержку требования о национализации эквадорской нефти, участники которого пройдут от Гуаякиля до Кито. Заявление подписано десятью студенческими и университетскими организациями Гуаякиля.

ПАНАМА. Десятки тысяч человек посетили фотовыставку «Советская молодежь», которая в течение двух недель была открыта в панамской столице.

250 документальных и художественных фотографий, представленных на выставке, посвящены активному участию Ленинского комсомола в выполнении решений XXV съезда КПСС, успехам советской молодежи в науке, искусстве, спорте.

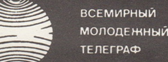
Фотовыставка была организована агентством печати «Новости».

АНТАНАНАРИВУ. Всеобщее обязательное начальное обучение вводится на Мадагаскаре. Согласно декрету, опубликованному в правительственном вестнике «Журналь офисьель», оно распространяется на всех детей школьного возраста без каких бы то ни было ограничений. Срок обязательного обучения, которое в государственных школах будет бесплатным, составляет пять лет.

ЛОНДОН. Значительно возросла с начала нового учебного года плата за обучение в высших учебных заведениях Англии. Об этом заявил в парламенте министр просвещения и науки Великобритании Ф. Малли. Для различных категорий студентов рост расходов на обучение составит от 125 до 750 фунтов стерлингов в год.

ЛАПЫ. Два года занимаются лицеистки этого маленького польского города в самодеятельном духовом оркестре. За это время они приняли участие во многих музыкальных конкурсах в разных городах воеводства. Награды, полученные на этих конкурсах, — заслуга основателя и дирижера оркестра Фредерика Новицкого. Чтобы поддерживать творческий азарт своих воспитанниц, руководитель придумал весьма действенный способ — соревнование с мальчишеским духовым оркестром местного механического техникума.

На снимке: сегодня оркестр лицеисток города Лапы в ударе.

ВАРШАВА. Польский рабочий класс, насчитывающий 7 миллионов человек, исключительно молод. Каждый второй рабочий моложе 30 лет. Более двухсот тысяч выпускников профессиональных школ ежегодно пополняют ряды высококвалифицированных рабочих. Рабочая молодежь преобладает среди 700 тысяч человек, которые учатся заочно, и среди нескольких сот тысяч изобретателей, ежегодно участвующих в разного рода творческих технических конкурсах.

ПОРТ-О-ПРЕНС. По сообщениям панамской печати, за короткое время более 300 гаитянцев вынуждены были покинуть родину и переселиться в соседнюю Доминиканскую Республику. Шестимиллионное население Гаити живет в нищете и бесправии. Почти половина детей в стране страдает от постоянного недоедания. Лишь 17 процентов детей школьного возраста сидят за партами. Один врач приходится на 50 тысяч человек, а на всей территории Гаити менее трех с половиной тысяч больничных коек.

ХЕЛЬСИНКИ. Центральное правление Социалистического союза студентов (СОЛ) выступило в поддержку идеи об организации в 1977 году фестиваля дружбы финской и советской молодежи. По мнению СОЛ, необходимо срочно образовать комитет финских молодежных организаций, который совместно с Государственным советом по делам молодежи Финляндии мог бы подготовить и осуществить проведение фестиваля на широкой основе.

МОГАДИШО. Сомалийская революционная социалистическая партия существует меньше года. Однако уже сегодня она насчитывает более 5 тысяч членов (население страны 3,1 миллиона человек). Как указано в программе партии, работа СРСП по преодолению экономической отсталости в стране и ликвидации всех последствий колониального режима строится на основе теории научного социализма, цель этой работы — «...создание общества, основанного на социальной справедливости, равенстве, единстве и прогрессе». В программе подчеркнута необходимость привлечения женщин, ранее подвергавшихся особому угнетению, к участию во всех аспектах политической, социальной и экономической жизни. Большое внимание уделяется народному образованию и воспитанию детей в духе идеалов социализма.

На снимке: дети из организации «Цветы революции» разучивают новую песню.

смотрите!

В идеале город — совсем неплохое место обитания для человека, ведь именно в городе человек вплотную приближен к достижениям и благам современной ему цивилизации. Но то в идеале... У городов, как и у людей, свои судьбы и характеры. Вот «рентгеновский снимок» Нью-Йорка, сделанный западногерманским журналом «Шпигель»: «Город, где каждые 7 минут совершается грабеж или угон автомобиля, каждые два часа — изнасилование, каждые шесть часов — убийство... город богатства и нищеты: 25 тысяч бездомных девушек, 200 тысяч бездомных кошек, свыше 8 миллионов крыс».

Как писала недавно французская газета «Монд дипломатик», «будучи неотъемлемой частью системы, город выра-

ГОРОД

жает и отражает ее». Публикуемые на этих страницах фотографии (Нью-Йорк, Ольстер, Париж), на наш взгляд, как раз выражают отношение системы, общества к человеку, в данном случае к самым молодым горожанам.

Напрашивается вопрос: разве так бедны американские и английские города, чтобы дать детям детство? Нет, разумеется, и в кварталах для «чистой» публики вы найдете немало того, что специально делается для детей. Но, разделившись на кварталы «чистых» и «нечистых», город и детей разделил...

Нижний средний снимок сделан тоже в буржуазном городе. И тоже в районе «простонародья». Но это такой парижский район, где у руководства стоят коммунисты.

И ДЕТИ

Каждое утро еще до завтрака миллионы людей включают телевизоры и радиоприемники, разворачивают утренние газеты, чтобы узнать последние события в мире и в своем городе, еще раз убедиться в том, что инфляция растет, а популярность ведущей державы капиталистического мира падает, что переговоры в связи с очередной «локальной войной» пока в тупике, что любимая футбольная команда одержала победу, а в Центральной Америке произошло новое землетрясение... Ежедневно, по данным ЮНЕСКО, в мире издается 390 миллионов экземпляров газет; число радиоприемников в 1975 году равнялось 728 миллионам, телевизоров — 261 миллиону.

Много это или мало! Правы те, кто говорит, что много: не случайно широкое распространение средств массовой информации характерно для сегодняшнего развития цивилизации на земле. Но правы и те, кто говорит—мало: распространение средств массовой информации крайне неравномерно. К примеру, в Латинской Америке 150 миллионов практически не имеют контакта ни с одним из этих средств: газеты читает лишь 20 процентов населения, телевидение смотрит не более 5 процентов.

Нас, впрочем, интересует не только распространение средств массовой информации, но и роль, которую они играют в жизни людей и в жизни всей планеты, поскольку и они несут ответственность за создание и поддержание добрососедских отношений или враждебности, созидательного миролюбия или разрушительной агрессивности. Даже по относительно немногочисленным ответам на вопросы анкеты «Ровесника», опубликованной на последующих страницах, нетрудно понять две взаимосвязанные вещи: во-первых, то большое значение, которое самые разные люди придают средствам массовой информации в своей жизни; во-вторых, то значительное влияние, которое эти средства оказывают на их мировоззрение, политические пристрастия и эстетические вкусы. Человек не всегда даже отдает себе в этом отчет, но так или иначе, вольно или невольно «работа» средств массовой информации, их идеологическая, классовая направленность всегда сказываются.

Этот снимок сделан специальным корреспондентом «Правды» О. Игнатьевым в джунглях Амазонки, в Бразилии.

БЕЗГРАНИЧНЫЙ МИР И ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ю. ФАНТАЛОВ,
кандидат исторических наук

„Тысяча девятьсот четырнадцатый год. Небольшой остров в Океании. Его обитатели обходились без телеграфа. Раз в 60 дней корреспонденцию на остров доставляла английская королевская почта. Сообщение о начале первой мировой войны островитяне — англичане, французы и немцы — получили с запозданием на шесть недель».

Этот факт в своей книге «Общественное мнение» приводит известный американский журналист Уолтер Липпман. Факт в принципе нехитрый, вполне даже нормальный, если учесть время, удаленность острова, существовавшие тогда средства коммуникации. Куда как удивительнее нам представляются факты противоположного рода, говорящие о неимоверной скорости (ведь обходились без радио, телеграфа, телефона и пр., пр.!), с которой во времена о́ны доставлялась порой информация, или, как привыкли говорить, новости.

«Средства массовой информации...» — произнеси мы этот термин лет этак 500—600 назад, и кто-нибудь из догадливых той эпохи сказал бы, что это мы, видно, имеем в виду глашатая, который на площади кричит: «Слушай царский указ!» Но со временем люди все больше средств вкладывали в эти самые ничего материального не дававшие «средства массовой информации», потому как многие — в том числе те, кто добивался власти или властью уже обладал, — понимали: жить без этих средств массовой информации им не по средствам. Да и другие причины подвигали государственных ли, частных ли лиц искать путей к донесению своего знания, мыслей, точки зрения до как можно более широкого круга людей в как можно более короткое время...

Когда летом 1975 г. в космосе летали «Союз» и «Аполлон», их одновременно и в то самое время, когда они летали, видели на экранах миллионы людей на всех континентах. И мало было среди них удивляющихся этому чуду. Вернее, факту: ведь привыкли мы все.

Современные средства массовой информации (СМИ) сделали мир более тесным, а народы более взаимозависимыми, чем, быть может, мы прежде полагали. Совсем не случайно некоторые исследователи сравнивают СМИ с некой универсальной нервной системой человечества, мгновенно реагирующей на все раздражения в обществе и побуждающей людей чувствовать, реагировать, думать и действовать соответственно посылаемым ею сигналам. Вряд ли такое сравнение является преувеличенным. Некоторые считают, что оно даже «обижает» СМИ. Представим себе, что завтра вдруг исчезнут эти средства общения между сотнями миллионов людей и единственными каналами связи между ними останутся только так называемые межличностные контакты — личные беседы, почтовая переписка. Наша цивилизация оказалась бы, несомненно, парализованной.

Со средствами массовой информации человечество связывает в большой степени свои надежды на прогресс и лучшее будущее... Взять хотя бы область образования, где СМИ играют наиболее позитивную роль. Ведь телевидение в наши дни все более широко применяется в школах и высших учебных заведениях не только развитых индустриальных стран, но и в странах с низким уровнем грамотности населения. Более того, в таких странах его применение в широких масштабах наиболее перспективно. Конечно, на сегодняшний день это весьма дорогостоящее предприятие, но исследования, проведенные под эгидой ЮНЕСКО, показали, что многие страны Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, испытывающие большой недостаток в квалифицированных кадрах преподавателей, высказывают готовность объединиться для финансирования и организации образовательных программ, передаваемых через спутники связи для всех школ крупных регионов.

Мир входит в наш дом... Разноликий, удивительный, ошеломляющий и завораживающий... Все это прекрасно. Впрочем, для кого как. Некоторые от такого мира даже бегут. Широко, к примеру, популярна тенденция (особенно среди снобов от интеллигенции) называть телевизор «ящиком», «ящиком идиота». Как, впрочем, и тенденция этот «ящик» не смотреть. Известно и такое понятие, как «телевизионные дети», то есть дети, привыкшие смотреть, а не делать, слушать, а не рассказывать, впитывать чужие мысли, а не думать самим. Широко известны и попытки, предпринимаемые на Западе новыми анахоретами, уйти, отгородиться от всяких контактов с этими средствами массовой информации: те, кто побогаче, перебираются на заброшенные теплые острова, победнее — строят лачуги где-нибудь «на воле»: главное, все контакты обрублены, все, что принимает всякие волны, выброшено на помойку, а адрес (чтобы кто-нибудь чего-нибудь не прислал — газету ли, рекламу) — только в собственной памяти. Еще более широко известна и изучена та завораживающая и подчиняющая себе сила, которой обладают СМИ: мало сказать, она опутывает, спе- ▶▶

АНКЕТА „РОВЕСНИКА“: ВАШЕ ОТНОШЕНИЕ К СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ? ВАШЕ МНЕНИЕ О ТЕХ, КТО ДЛЯ ВАС ПИШЕТ, СНИМАЕТ, ГОВОРИТ?

Сьюзен Крукшенк, 32 года, психолог; Дэйв Крукшенк, 37 лет, астроном, США

Сьюзен: Средства массовой информации — это важнейший элемент нашей современной жизни. В истории еще не было времени, когда люди так много бы знали о мире. И поэтому средства массовой информации ответственны за то, чтобы делать далекие события близкими для всех, чтобы все мы чувствовали себя как бы замешанными во все происходящее в мире. Я думаю, американцам дают правдивую и полную информацию обо всем.

Дэйв: Полную? Ну, дорогая, вспомни Уотергейт. Пожалуй, это был первый случай, когда мы реально убедились — а раньше лишь подозревали, — что нам дают отобранную, отжатую информацию. Ясно, коррупция власти — не новое в истории явление, но когда это здесь, близко, то это производит впечатление взрыва.

Сьюзен: Ну и что в этом хорошего? И так все время говорили о цинизме... Средства массовой информации — особенно печать — вообще полюбили обижать людей. Я не говорю уж, о чем они пишут, но посмотри — как. Грязные, вульгарные словечки употребляют теперь даже самые уважаемые издания. К счастью, до телевидения эта мода пока не дошла. И вообще, по-моему, это самая обещающая форма...

Дэйв: И самая глупая! Неужели не видно, что новости там тоже отобраны. А все эти «безэмоциональные» комментарии! Зрителям подают информацию, рассчитанную на глупцов. Я УВЕРЕН, МНОГИЕ АМЕРИКАНЦЫ ХОТЯТ, ЧТОБЫ ТЕЛЕПРОГРАММЫ БЫЛИ БОЛЕЕ ГЛУБОКИМИ. ТЕМ БОЛЕЕ РАЗ УЖ МЫ СТАЛИ «ТЕЛЕВИЗИОННОЙ НАЦИЕЙ». А за цинизм ты, по-моему, принимаешь просто информированность.

В принципе мне бы не хотелось знать о политическом кредо комментатора — это как игра, интересно «подловить» его — а, вот, голубчик, какой ты на самом деле. Хотя, наверное, это и не очень честная игра.

Сьюзен: А я ничего не хочу знать о тех, кто делает передачи. Важен конечный результат.

Дэйв: Нет, личный опыт комментатора — я все время говорю о передачах политических, о новостях, остальные даже в расчет не беру — важен и интересен. Он, по крайней мере, заранее располагает к доверию.

Сьюзен: На этом тебя и ловят. Я потому и люблю больше телевидение, что там видишь лицо человека; там легче по-

ленывает человека, она — как это давно и не без корысти замечено политиками Запада — штампует тип человека. Вырабатываются стандартные или иначе — стереотипные точки зрения. Вот точки зрения на апельсиновый сок, вот на виски, вот на дом и машину, вот на «народную партию» и «свободную страну»...

Могучее это средство в борьбе за и против человека — средства массовой информации! Сейчас говорят о «взрыве информации», и говорят справедливо, поскольку количество ее, приходящееся на долю одного человека, в последние два-три десятилетия возросло неимоверно. Но такие же «взрывы», хотя и других масштабов, случались и раньше. Мало того, здесь наблюдается одна весьма интересная особенность: каждый такой «взрыв» совпадал по времени с крупными социальными потрясениями. Не берусь искать здесь причинно-следственные связи, но заметьте: именно после появления на земле первого государства социализма широкое распространение получило радио; после второй мировой войны и образования мировой системы социализма господствующее положение заняло телевидение, с крушением колониализма совпадает появление стационарных спутников связи, способных мгновенно передавать огромное количество информации — текстовой, звуковой, изобразительной — в любой уголок планеты. Не пытаясь найти здесь какую-либо строгую закономерность, отметим одну лишь особенность: каждый раз новые идеи о социальном устройстве и социальной справедливости получали новые мощные возможности распространения, одновременно встречая и новый, более мощный отпор — благодаря все тому же «взрыву» в сфере средств массовой информации — со стороны противоборствующих им сил реакции. Так мы подходим ко второй особенности феномена СМИ: они выражают интересы того или иного класса, и они не могут существовать в мире ни в какой иной форме, как классовой, четко политической. Ведь не само по себе говорит радио, не сам по себе телевизор и не великий Гутенберг, изобретший печатное слово, виноваты в том, что люди, слушая, глядя, читая, негодуют и радуются, добреют и черствеют, становятся честнее или подлее, приближаются к истине или от нее удаляются... В конце концов, средства массовой информации — всего лишь *средства* диалога. Грубо говоря, в этом диалоге участвуют две стороны — те, кто говорит, пишет, снимается и снимает, и те, кто слушает, читает и смотрит. Другое дело, что не всегда в западной действительности люди, стоящие перед микрофоном или камерой, выражают собственные мысли, а те, кто внимает им, способен объективно, без скидки на мифы и штампы понять ценность получаемой информации.

Раз уж мы говорим о средствах массовой информации, мне хотелось бы привести здесь такую (пользуясь крылатыми словами телевизионного Штирлица) «информацию для размышления». К началу 70-х годов население 20 развитых капиталистических стран составляло в общем

нять — верить или не верить словам, которые слышишь. Мне телевидение еще тем нравится, что в нем больше праздничности, обещания, надежды, что ли...

Збигнев Грох, 31 год, инженер-механик, первый секретарь горкома Польской объединенной рабочей партии в городе Тычин, Польша

На человека в современном мире каждый день обрушивается такой поток информации, что переварить ее всю целиком он просто не в состоянии. Каждый выбирает для себя наиболее подходящий источник. К примеру, я предпочитаю слушать политический комментарий по телевидению — как правило, там он живее, интереснее, чем в прессе. Его вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе положение дел. Когда какое-либо событие вызывает особый интерес и телевизионной информации кажется недостаточно, вы всегда можете обратиться к газетам и журналам. Так или иначе комментарий необходим, и любая информация должна непременно сопровождаться позицией издания. Я считаю, что в идеале необходимо сначала просто сообщать факт, событие — совершенно объективно, так, как оно произошло, — а потом должен следовать комментарий, в котором специалисты выскажут различные точки зрения. Из подробного разговора, обсуждения каждый зритель или читатель сможет вывести свою точку зрения. Вообще, людям всегда надо говорить только правду. Если люди идеологически подготовлены — как, например, большинство в нашей стране, — то они все воспримут правильно. Из всех польских газет я отдаю предпочтение «Трибуне люду»: она наиболее информирована.

С ПОМОЩЬЮ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, БЕЗУСЛОВНО, МОЖНО МНОГОГО ДОСТИЧЬ В ДЕЛЕ РАЗРЯДКИ НАПРЯЖЕННОСТИ И СБЛИЖЕНИЯ МЕЖДУ НАРОДАМИ РАЗНЫХ СТРАН. Одно только «если»: если бы в капиталистическом мире они служили благородным целям, как служат в мире социалистическом.

Грэхэм Рок, 31 год, спортивный журналист, Великобритания

Мне даже странно, что в один ряд с телевидением и прессой вы поставили радио. Честно говоря, мы, англичане, настолько привыкли к телевидению, что радио для большинства вообще перестало существовать. Конечно, за политическими событиями удобнее всего следить по газетам. Правда, подбор

населении мира лишь 18 процентов, но на долю этих стран приходилось 54 процента тиража ежедневных газет, 65 процентов всех радиоприемников и 73 процента телевизоров.

Конечно, такие диспропорции — результат несопоставимых уровней экономического и научно-технического развития, а также жизненных уровней населения. Но только ли этих обстоятельств?

Давно уже известно, что средства массовой информации в буржуазном обществе служат исключительно эффективным инструментом социального регулирования, управления и контроля, осуществляемых в обществе господствующим классом, средством так называемой политической социализации масс, их «подгонки» к государственной системе. И потому, чем более глубокий, острый, болезненный кризис буржуазная система переживает, тем более значимой становится для нее роль СМИ.

История — великий учитель. Обратимся же к примерам из прошлого, которые помогут нам выявить определенные закономерности в развитии политической и идеологической борьбы, происходившей на крутых поворотах истории, таких, например, как при переходе от феодализма к капитализму.

Когда молодая, революционная буржуазия вела борьбу за утверждение своего господства против феодальной аристократии, она широко использовала средства информации, доступные тому времени, — прокламации, листовки, брошюры, еще немногочисленные и малотиражные газеты, — чтобы привлечь на свою сторону массы, заручиться их поддержкой. Тогда буржуазия несла с собой историческую *правду* — правду о том, что феодализм как общественный строй изжил себя, стал препятствием на пути дальнейшего развития человечества, производительных сил и производственных отношений.

А как действовала в то время реакционная аристократия и находившаяся в союзе с нею церковь? Конечно, им важно было скрыть от масс истинные задачи и цели происходившей борьбы, и для сохранения своего господства они вступили на путь политической и идеологической дезориентации масс, их обмана; проводили же они свою политику с помощью все тех же листовок, памфлетов, газет — то есть тогдашних средств массовой информации.

Причем заметьте одно обстоятельство. Эпоха XV—XVII веков, то есть начало перехода в Европе от феодализма к капитализму, вошла в историю как полоса идеологического и политического террора, «охоты на ведьм» и истерии, захватившей многие страны. Проявления всякого свободомыслия, выходившего за пределы догм феодальной и церковной идеологии, объявлялись ересью, а его носители уподоблялись дьяволу, подвергались жестоким пыткам и публичным казням, включая сожжение заживо. Последующие же века — XVIII—XIX — были в этом отношении менее жестокими по своим последствиям, потому что со-

---

информации во всех газетах одинаков, но есть разница в количестве строчек, месте, которое на нее отведено. Правые газеты, например, подробнее, на первых страницах освещают одни события, левые — другие. Впрочем, экономический кризис, который сейчас охватил нашу страну, настолько приучил нас к плохим новостям, что англичан, какую бы они газету ни читали, сейчас ничем не удивишь. Вы бы видели заголовки английских газет!

НЕСОМНЕННО, ВСЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НЕСУТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ. В НАШЕ ВРЕМЯ ЭТО, ПОЖАЛУЙ, САМОЕ ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛЮДЕЙ. Именно поэтому самым важным я считаю чувство личной ответственности журналиста, его профессиональную честность. Он никогда не должен поступаться своими принципами и взглядами, должен стараться сохранять объективность в любых своих материалах. Журналист занимает особое место в обществе. Он единственное живое связующее звено между публикой и правительственными учреждениями, и, будучи этим звеном, он всегда должен представлять перед правительством интересы и потребности широкой публики. Вопрос — всегда ли бывает так?

Мартин Рапэ, 27 лет, архитектор, Франция

ИЗ ВСЕГО, ЧТО ЧИТАЮ ИЛИ СЛУШАЮ, ВЕРЮ ТОЛЬКО ГАЗЕТАМ, И ТО ПРОЦЕНТОВ НА 50. ВСЕ ВРУТ. Взять если штук 15 газет — наших и других стран, просмотреть только заголовки статей об одном и том же событии — у всех поразному. И где здесь правда? А? Так что всякие там развлекательные журнальчики и то лучше — хоть знаешь, что от них нечего ждать.

Знаю нескольких журналистов, вполне приличные ребята, когда дело дела не касается. А там — профессия обязывает...

И вообще, идеальная форма информации — личное участие.

Вольфганг Ян, 36 лет, рабочий, секретарь отделения организации «Социалистическая молодежь «Соколы», Западный Берлин

Мое отношение к средствам массовой информации вообще? Если говорить одним словом — отрицательное. Я беру только Западный Берлин и ФРГ, потому что только по ним могу судить. Любому человеку ясно, что информация подается предвзято. Это-то мне и не нравится больше всего в нашей печати.

циально-экономическое развитие укрепило позиции буржуазии и значительно ослабило сопротивление феодализма [1].

Вернемся, однако, к СМИ и посмотрим, как анализировали их роль в борьбе между аристократией и буржуазией К. Маркс и Ф. Энгельс:

«Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества... Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо более или менее зловещие пророчества.

Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего,.. производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории» [2].

Вдумаемся в содержание этих строк. Разве во всем этом не находим мы много схожего между тем, что писали К. Маркс и Ф. Энгельс, и тем, что происходит в наше время?..

Разве тактика борьбы феодальной аристократии против буржуазии не напоминает нам приемов и методов борьбы, которую ведет теперь буржуазия против рабочего класса и других трудящихся слоев общества?..

Разве буржуазия теперь, подобно аристократии в прошлом, не пытается уверить всех и вся, что она печется не о своих интересах, а об интересах трудящихся?..

Разве не стало главной задачей ее СМИ «сочинение пасквилей» на идущие ей на смену новые социальные силы и нашептывание «зловещих пророчеств»?

Разве не является своеобразным аналогом «феодальному социализму», с которым выступала когда-то аристократия, ныне навязываемый уже буржуазией «капиталистический социализм»... или так называемая конвергенция капитализма и социализма?..

Наконец, трудно не заметить и то, что в словах и действиях наиболее реакционных кругов буржуазии проявляется все та же неспособность «понять ход современной истории»...

---

[1] *Характерно, что как бы отраженным светом периода мрачного средневековья оказались освещенными полосы европейской и американской истории после 1917 года («красный страх» и палмеровские облавы в США в начале 20-х годов) и после второй мировой войны (годы «охоты на ведьм», маккартизма и начавшегося длительного периода «холодной войны»).* — Прим. авт.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 4, с. 448.*

Так «старым грезит новизна». Ведь именно эти черты наиболее ярко отличают борьбу буржуазии против новых восходящих социальных сил, содержание и направленность деятельности ее СМИ — прессы, радио, телевидения и пр.

История свидетельствует, что каждое обострение классовой, идеологической борьбы, тем более если оно совпадало со скачком в развитии техники средств информации, вызывало очередной информационный взрыв. Именно это явление характерно и для нашего времени. Империализм, утратив идеологическую инициативу, обнаружив неспособность предложить какую-либо долговечную мировоззренческую перспективу, выбрал путь расширения поля битвы за умы, сделав при этом ставку на психологическую обработку сознания людей.

Лет десять назад этот перенос акцентов в битве за умы отметил Л. Рейнш, председатель американской консультативной комиссии по вопросам информации: «...психологическая, идеологическая война (обратим внимание на это отождествление: идеологическая равнозначна, по Рейншу, не мировоззренческой, а психологической войне. — Ю. Ф.) не уступает по своему значению горячей войне, и проигрыш в такой войне имел бы такие же катастрофические последствия, как поражение в атомной войне». И продолжал: «В конечном счете результаты идеологической борьбы будут зависеть от настроений сотен миллионов людей во всем мире, от их идеалов, их воли к жизни и их морального состояния».

Американский исследователь Б. Уэдж в статье «Международная пропаганда и искусство управления государством» писал в 1971 году: «Влияние внезапного и продолжающегося ускорения темпа, количества и распространения информации среди людей и народов, осуществляемое государствами, уже стало огромным и скоро станет невообразимым... То, что произойдет в следующем десятилетии, может так подстегнуть развитие международных событий, что это трудно поддастся учету».

«Информационный взрыв», вызванный обострением идеологической борьбы, объясняется в первую очередь расширяющимся интересом к прогрессивным, несущим гуманизм и знания идеям, заряженным революционным зарядом. Этот интерес объемлет не только область собственно идеологических знаний, науки об обществе, но и их отражений в культуре и спорте, в развлечениях и работе, стихах и музыке, здравоохранении и охране окружающей среды и, конечно же, в текущей политике. Реагируя на этот взрыв повсеместного и всевозрастного интереса, буржуазная пропаганда отвечает взрывом собственного изготовления. Взрывом, который заслуживает названия «взрыва дезинформации».

Мне бы хотелось привести несколько фактов, строго доказывающих, сколь серьезно и с каким финансовым размахом подходят деловые люди от буржуазной пропаганды к такому, казалось бы, безбарышному делу, как «сотряса-

---

Из всех источников информации я, пожалуй, больше всего доверяю радио. Последние новости — к ним ничего не прибавишь и не убавишь. По телевидению, какая бы политическая передача ни шла, всегда с первой минуты ясно, кого она представляет, взгляды какой партии пропагандирует. Я постоянно читаю два журнала — «Штерн» и «Шпигель». Предпочитаю «Шпигель», потому что это издание в принципе занимает более критическую позицию. Мне импонирует именно этот критический подход. Объективным его, конечно, не назовешь; В ЛЮБОМ ИЗДАНИИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ, ВЗГЛЯДЫ ИЗДАТЕЛЕЙ ВСЕГДА ЧЕТКО ПРОСМАТРИВАЮТСЯ, ПОЭТОМУ ВСЕГДА НЕОБХОДИМО ПОМНИТЬ И УЧИТЫВАТЬ, ОТ КОГО ИМЕННО ЭТА ИНФОРМАЦИЯ ИСХОДИТ. Нам, читателям, еще очень мешает то, что газеты и журналы конкурируют между собой.

Моя любимая газета? Одна из местных, с небольшим тиражом, и многие даже за пределами нашего округа в Западном Берлине о ней просто не имеют представления. Но уж тот, кто знает, питает к ней подлинное уважение. Именно уважение к мужеству этой небольшой, но очень смелой газеты, которая пытается всегда быть на высоте, занимает более объективную и беспристрастную позицию, выступая против всей шпрингеровской прессы. И хотя на пути издателей возникают большие трудности, и в первую очередь финансовые — я уже говорил о конкуренции, — она завоевывает все больше сторонников.

Вообще, чем больше думаешь о средствах массовой информации в нашем обществе, тем больше находишь недостатков, но представить себе мир без этих средств невозможно.

Ганс-Юрген Фенн, 24 года, студент, ФРГ

Я читаю наши местные — я из Бонна — газеты и «Франкфуртер альгемайне», «Ди цайт», читаю журнал «Шпигель», но в газетах все же дается больше текущей, «каждодневной» информации, а она, по-моему, важнее.

Телевидению не доверяю и не смотрю — так, жвачка, уж об объективности и говорить не приходится. Всем известно — критическая информация по отношению к тем, кто контролирует телевидение, туда не допускается.

По-моему, каждый политический комментатор должен прежде всего четко объявлять свою позицию — согласен или не согласен читатель с ней, это уже его личное дело, но знать, от кого исходит комментарий, он должен. Хотя, конечно, то, что журналист публикуется в том или ином издании, — уже заявка о его позиции...

Но у нас как делают? Вот, к примеру, информация об СССР; кстати, все — ну, я, наверное, больше о своих друзьях, студентах, говорю — интересуются ею. Так вот, «Шпигель» дал в 10 номерах подряд серию статей бывших американских корреспондентов в СССР Кайзера и Смита. Читали, читали — вроде бы определенная картина составилась. И вот через пару номеров на страничку дали ответ русских журналистов американцам, из которого стало ясно, что все, о чем писали Кайзер и Смит, вранье. «Шпигель» публикацией этого опровержения хотел, по-моему, доказать

ние эфира». Возьмем для примера лишь одну область — международное радиовещание. Его объем на другие страны через правительственные, частные, религиозные, коммерческие и «пиратские» радиостанции достиг к началу 1972 года 16 тысяч часов в неделю, или в среднем почти 100 часов вещания на один час астрономического времени. Лишь одна западногерманская «Дойче Велле» в начале 70-х годов завершила строительство двенадцати 500-киловаттных передатчиков в ФРГ и сооружала аналогичные в Руанде, на Мальте и в Карибском бассейне.

К началу 70-х годов на Дальнем Востоке США ввели в строй три мегаваттных средневолновых передатчика, каждый из которых обладал мощностью в двадцать раз большей, чем любая из наиболее мощных радиостанций в самих Соединенных Штатах. Такие передатчики США ввели в эксплуатацию к тому времени в Европе, на Ближнем Востоке и во Флориде (для вещания на Кубу).

Возможности глобального расширения буржуазной пропаганды через эфир стали особенно значительны, когда на службу теле- и радиопропаганде были поставлены спутники связи. Американские эксперты считают, что телевещание через спутники получит широкое развитие к 1985 году. И США делают все возможное, чтобы прибрать к своим рукам рычаги управления международными телекоммуникациями: под их финансовым контролем оказались обе западные организации международного вещания — «Интернэйшнл телекомьюникейшн сетелайт консорциум» (ИНТЕЛСАТ) и «Комьюникейшн сетелайт корпорейшн» (КОМСАТ).

Известно также, что свою финансовую и прочую лепту в дело «свободного» распространения «объективной» информации, не скупясь, вносят и такие борцы за «демократию», как Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов. Комиссия палаты представителей под председательством О. Пайка, завершившая свою работу около года назад, установила, что по крайней мере 29 процентов тайных операций ЦРУ на протяжении ряда лет «велись в сфере органов массовой информации». Приведем здесь список «мероприятий», осуществленных ЦРУ во время проведения одной лишь операции — подготовки фашистского переворота в Чили:

— миллионные подачки «Меркурио» — самой известной в Чили газете и самому решительному противнику покойного президента Сальвадора Альенде. В памятной записке ЦРУ, предназначенной для внутреннего пользования, указывалось, что «Меркурио» и другие поддерживаемые ЦРУ органы массовой информации сыграли важную роль в подготовке почвы для переворота против Альенде;

— публикацию заявления протеста Межамериканской ассоциацией печати с критикой Альенде объединением латиноамериканских и американских газет, включая «Вашингтон пост»;

— отправку в Чили десятков иностранных журналистов, которые должны были поддерживать линию ЦРУ.

Тогда же в их политическом лексиконе появился и новый термин — «дестабилизация режима», обозначавший целый комплекс диверсионных мер, в том числе и диверсии с помощью СМИ.

Примечательно, что в ноябре 1973 года, то есть через два месяца после фашистского путча, представитель США получил неожиданно для себя резкий отпор со стороны латиноамериканских делегатов международной конференции по радиовещанию в Рио-де-Жанейро. Его заявление о том, что «ни одно правительство не имеет права подвергать цензуре прямые телевизионные передачи через спутники связи, поскольку это является посягательством на права человека свободно получать любую информацию», было встречено весьма холодно. В Латинской Америке, как и на других континентах, знают цену таким заявлениям. Делегаты с полным основанием говорили, что неконтролируемые телепередачи из США наносят ущерб национальной культуре, оказывают вредное идеологическое воздействие и могут быть даже направлены против безопасности страны. Отметим, что подобная реакция характерна не только для развивающихся стран, ставших одним из главных объектов идеологической экспансии. «Под маркой свободной циркуляции идей, — писал недавно французский буржуазный журнал «Монд дипломатик», — коварная американская пропаганда стремится навязать модель культуры, которая несет с собой политические догмы, экономические концепции, социальные схемы, разработанные в интересах господствующей державы».

«Полная свобода обмена идей!» — вот лозунг буржуазных средств информации на сегодняшний день. Будто явились они в этот день мессией в белых одеждах, будто не волокут на себе тяжких цепей зависимости и предвзятости, будто не проступают на их одеждах пятна совершенных поклепов, обманов, интриг. А день на дворе между тем рядовой, такой, что продолжает вчера и начинает завтра. А потому заботы и опасности, оставленные вчерашним днем, — истинные, важные для жизни заботы, как-то: мир, освобождение от угрозы войны, установление в мире нормальных (по нормам человека) отношений между странами, живущими по-разному, — не превратились еще во вчерашние заботы. Они нуждаются в наших терпеливых трудах, нуждаются в справедливом, честном, по-настоящему объективном разрешении. Тогда это будет разрядка напряженности... Если же не публиковать даже полного текста хельсинкского совещания, если кардинальные, узловые вопросы межгосударственных отношений низводить до уровня скандальных сенсаций на день, если все усилия направлять на оправдывание и обоснование новых рекордных военных бюджетов, то как при этом, пользуясь словами классиков, обрести способность понимать ход современной истории?! ■

свою объективность... Только известно ведь, негативная информация запоминается лучше, и потом, то — десять номеров, а то — страничка. Кто-то, может, ее и не заметил.

Интересный для меня журналист? Гюнтер Вальраф. Ах, у вас его тоже знают? Только, мне кажется, и у него не так все получается. То есть он пишет свои книги, — может, он и не журналист «в чистом виде», ведь он пишет книги, а не работает для какого-то журнала или газеты; так вот он пишет свои публицистические книги для рабочих. Но доходят ли до них его книги? — вот в чем вопрос.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ — ДАВАТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О МИРЕ, И ТАКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ ПОНИМАЛ, ЧТО ЛИЧНО ОТ НЕГО ЗАВИСИТ МИР В ЭТОМ МИРЕ. Поэтому наш мир без информации существовать не может — мы поняли, что он стал слишком большой. Нашим предкам было легче — их мир был меньше...

Камибаяши Сатору, 27 лет, сотрудник Института художественного воспитания, Япония

А ТЕЛЕВИЗОР Я ВЫБРОСИЛ — ОТНЕС В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ НА СВАЛКУ, И ВСЕ. Правда, иногда иду на компромисс с собой — если знаю, что будет хороший документальный фильм, отправляюсь к друзьям. Из газет просматриваю только «Асахи» и спортивную, журналы читаю только профессиональные. Наши популярные журналы невероятно низкого уровня — иллюстрация, короткая подпись, и все. Есть, правда, один более-менее пристойный «Секай» — «Мир», но статьи в нем слишком поверхностные. И вообще летом я два месяца был в горах со школьниками. Мы даже транзисторов с собой не взяли. Ох как хорошо-то было! Нет, совсем не тоскливо.

Хельга Шуберт, 26 лет, инженер, ГДР, Берлин

Читаю я много. Регулярно семь газет и журналов. Больше всего полезного для себя лично нахожу в журнале «Фюр дих», это женский журнал, и «Ваш дом и дети». Конечно же, с удовольствием смотрю телевизор. По телевидению легче и интереснее следить за событиями, потому что информация более разносторонняя, а кроме того, события иллюстрируются на примерах, а это способствует более острому восприятию. Я всегда с интересом смотрю репортажи о событиях в мире, ведь телевидение — самый лучший способ понять и почувствовать то, что происходит в разных уголках планеты. У нас в стране очень популярны политические телефильмы Хайновского и Шоймана. Я смотрела их репортажи об Африке, Чили, об американских летчиках, сбитых над Северным Вьетнамом. Их работы отличаются большим мастерством, но не в этом главное. Главное — в остроте, актуальности проблем, которые затрагиваются в их фильмах, в глубоком и эмоциональном подходе авторов к теме. НА МОЙ ВЗГЛЯД, КАЖДАЯ ТАКАЯ РАБОТА ГОВОРИТ О ТОМ, КАК ВАЖНО ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА ВСЕГДА ОСТАВАТЬСЯ ПРИНЦИПИАЛЬНЫМ, ПОДХОДИТЬ К ТОМУ, О ЧЕМ ПИШЕТ (ИЛИ ЧТО СНИМАЕТ, КАК В ДАННОМ СЛУЧАЕ), С КЛАССОВЫХ ПОЗИЦИЙ. ■

В 1973 году в дни, когда Соединенные Штаты вели необъявленную и жестокую войну на уничтожение целой страны — Камбоджи, помощнику государственного секретаря был задан вопрос о том, чем, собственно, США собираются обосновать этот акт агрессии. «Интересный вопрос, — последовал ответ. — У меня как раз над этим работает пара юристов. Пока же, я бы сказал, оправданием являются перевыборы президента». С точно таким же цинизмом подходили американские власти и к той операции «прикрытия» своих незаконных действий, которую они поручали средствам массовой информации. Сколько пыла и изощренного коварства потратили газеты, радио и телевидение, чтобы разжечь в рядовом американце чувство ненависти к народу Вьетнама, о котором он толком ничего не знал, чувство яростного обывательского «патриотизма», сокрушающего всякое понятие о справедливости... Когда же сведения об истинном положении дел просачивались на страницы печати, власти, не стесняясь в средствах, прибегали к запугиванию, шантажу и увольнениям журналистов. Известно, что для того, чтобы перекрыть «утечку» правдивой информации, создавались особые, наделенные правами секретных служб, не предусмотренные никакими законами, кроме «законов», изобретенных ФБР, бригады.

Манипулирование общественным мнением, смещение акцентов, утаивание информации, специальные операции по распространению дезинформации и слухов — известна в этом смысле деятельность различных подставных агентств ЦРУ в Западной Европе, — наконец, подкуп и оказание давления на журналистов — такова практика средств массовой информации в капиталистическом мире.

Стремлением обеспечить контроль над информацией объясняется и тенденция к монополизации «рынка новостей». За последние 20 лет в капиталистических странах Европы резко сократилось число независимых органов печати. В Англии прекратили существование 18 газет, и сегодня 4 крупнейшие монополистические корпорации контролируют более 80 процентов ежедневного тиража газет. Во Франции из 203 газет, которые выходили в 1946 году, сохранилось только 90. В ФРГ одна издательская монополия Шпрингера контролирует около 40 процентов ежедневных и воскресных газет.

ЭЛЬДОРАДО НЕ НАЙТИ,

ИЛИ ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ, КОТОРУЮ ОДИН ТЕЛЕКОММЕНТАТОР ПРОИГРАЛ КОМПАНИИ ЭН-БИ-СИ

Сэндер ВЭНОКУР,
американский журналист

Противоречивые чувства владели мной с тех пор, как я перестал работать комментатором новостей в теле- и радиокомпании Эн-би-си[1]. Но самое сильное из них все же облегчение оттого, что я больше не чувствовал себя чиновником, высокооплачиваемым, но все же чиновником.

Я знаю — тем, кто не варится в этой каше, трудно представить себе комментатора радио или телевидения чиновником. Наша профессия ассоциируется с известностью, видным положением в обществе, деньгами, с властью, наконец, романтикой жизни в водовороте событий. Но отбросим в сторону мифы и поставим на их место реальность: чиновники — вот кто мы на самом деле.

В журнале «Вашингтон мансли» как-то было дано хорошее определение «настоящего служащего»: «Истинный служащий не думает о целях своей работы, тем более не вовлекается в какую-либо деятельность, связанную с политикой, чтобы не думать о целях того, чему он ежедневно отдает свои силы и способности. Осознание этих целей и чувство ответственности за то, как твою работу используют, противоречит здравому, разумному подходу к своему делу».

Вот именно: я не мог более сохранять свой «здравый, разумный подход» к тому, на что трачу силы. И это заставило меня уйти из Эн-би-си.

Однажды — летом 1972 года, — переписывая сводку новостей, я решил, что это не занятие для взрослого человека.

В принципе Эн-би-си очень заботливая компания. Ее хозяева вполне приличные люди. Они любезны друг с другом и, в общем, любезны с теми, кто на них работает. С чем сравнить отношение компании к нам, простым служащим? Образ, который у меня возникает, — даже не образ Большого Брата, а скорее Общей Матери-кормилицы. Она кормит нас (пожалуй, даже лучше, чем это необходимо для нашего здоровья), поощряет и наказывает нас. За годы нашего затянувшегося в ее объятиях детства мы четко усваиваем одно правило: нельзя делать или говорить то, что она может не одобрить. В какую-то минуту вы неизбежно осознаете, что ваша журналистская позиция все больше и больше определяется не вашими убеждениями, а тем, что наша добрая Общая Мамочка сочтет приемлемым.

Несколько лет меня мучил один и тот же сон: я сижу в некоем кабинете и обсуждаю, отчего я зачастую не могу делать того, что хочу, считаю нужным, с одним из руководителей корпорации, который носит титул вице-президента по Вопросам Страха. Вице-президента зовут «ОНИ». Дело в том, что стандартный ответ на настойчивый вопрос служащего компании, почему нельзя делать того или иного, всегда уныло однообразен: «ОНИ никогда вам этого не позволят». Примечательно, что мне никак не удавалось выяснить, кто это «ОНИ». Президент компании? Вице-президент? Заведующий отделом новостей?

Я начал понимать, до какой степени «ОНИ» определяют мою психологию. Дело дошло до того, что однажды я спросил себя: а я сам-то кто? Я — это я? Или, может быть, я — тоже «ОНИ»? И если я это я, то сколько того, что составляет «ОНИ», просочилось в мое «я»? И вдруг до меня дошло: я слишком долго и незаметно для себя принимал установленные ими страхи и запреты, и эти страхи и запреты все больше укоренялись во мне, становились моими собственными.

Мне кажется, мои сомнения в мудрости, впитанной с молоком нашей Общей Мамочки, начались во время моей первой поездки во Вьетнам в июне 1965 года.

В то время скопление американских военных сил во Вьетнаме росло, морская пехота заняла Дананг. Сомнения в нашей политике во Вьетнаме одолевали меня еще с начала 1963 года, теперь же я был совершенно уверен, что Линдон Джонсон подложил американскому народу большую свинью. Часто в интервью с правительственными деятелями я пытался выяснить, зачем мы связали себя такими большими обязательствами во Вьетнаме.

▶▶

[1] *Одна из трех крупнейших радиотелевизионных компаний США. — Прим. ред.*

«ЕЩЕ ОДИН МИКРОФОН»,

ИЛИ ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ С БИ-БИ-СИ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Б. БЕЛИЦКИЙ,
комментатор Всесоюзного радио и телевидения

Знакомьтесь, читатель, с человеком, которого отлично знали англичане, слушавшие радио и смотревшие телевизор с 1936 по 1965 год. Ричард Димблби, ведущий комментатор Би-би-си, освещавший такие важнейшие события, как гражданская война в Испании, рейды английских бомбардировщиков на фашистский Берлин, высадка союзников в Нормандии в 1944 году, похороны Уинстона Черчилля в 1965 году. Мне довелось вести с ним совместные репортажи для английских телезрителей о павильоне СССР на Всемирной выставке в Брюсселе в 1956 году, о первомайском параде в Москве в 1961 году и о приезде Юрия Гагарина в Лондон в том же 1961 году. Мои встречи с ним дают мне основание согласиться с двумя утверждениями относительно Ричарда Димблби. Во-первых, с тем общим мнением, что он был высокопрофессиональным, даже блистательным, журналистом. Во-вторых, с утверждением самого м-ра Димблби, говорившего мне, что он ни с кем не согласовывает тексты своих репортажей; единственный судья им — он сам и его слушатели. Все это так, и потому фигура популярного и влиятельного комментатора Би-би-си приобретает особый интерес для каждого, кто хочет понять, какие люди идут на Би-би-си и с чем Би-би-си идет к людям.

Было время, когда Би-би-си, всемирный монополист новостей, позволяла себе похваляться: бюллетень новостей отменяется, если нет новостей, достойных вещания. Когда 23-летний Ричард Димблби пришел в отдел новостей Би-би-си, шел 1936 год и события лавиной прокатывались по буржуазным странам. И потому по Би-би-си уже не услышать было: «Добрый вечер. Сегодня прекрасный четверг. Никаких новостей». Новости были (и какие!), но то, ка́к они собирались и ка́к подавались, абсолютно не устраивало молодого радиожурналиста. По-своему элегантные и анонимные сообщения Би-би-си, зачитываемые неизвестными дикторами, по мысли основателя радиокорпорации лорда Рита, «не должны были привлекать внимания улицы и рынка», а самих журналистов должно было вполне устраивать «место на таинственном и не вполне известном широкой публике звездном небе, которое в конце концов более почетно, чем просто место под солнцем...». Ричарда Димблби интересовало именно место под солнцем. Он понимал его так: солидный доход, известность национального масштаба, наконец, живая, полная событий работа.

Ему понадобилось три года, чтобы «пробить» первую серьезную командировку — в Испанию. Первый свой репортаж Димблби вел с франко-испанской границы, рассказывая о бесчисленных беженцах — жертвах побеждающего в Испании фашизма. По существу, это был и первый прямой репортаж Би-би-си из-за границы, тем более первый из охваченной огнем Испании (до этого радиостанция ограничивалась передачей сообщений различных агентств), и... первая победа Димблби в его борьбе с Би-би-си.

Года полтора назад в Лондоне вышла книга «Ричард Димблби — биография». Написана она его сыном. Основная тема, помимо описания жизненного пути и успехов Ричарда Димблби, — его постоянная и острая борьба с Би-би-си. Несомненно, это весьма странное на первый взгляд сочетание: успех в качестве комментатора Би-би-си и борьба того же комментатора с той же самой Би-би-си. За что же боролись две противостоявшие стороны? В чем видел свои цели ведущий комментатор английской радиокорпорации и как она определяла и определяет их сама? Обратимся сначала к Би-би-си.

Вот уже полвека Британская радиовещательная корпорация распространяет новость о том, что ее политика «независима», а как следствие этой «независимости» — «объективна». Свои непреходящие и неисчезающие достоинства она объясняет дальновидностью и прозорливостью государственных мужей, создавших ее в середине 20-х годов. Такие лидеры буржуазных партий Англии, как Ллойд Джордж, Болдуин и Макдональд, вовремя сообразили, что правительственная радиостанция при частой смене партий у руля власти будет напоминать футбольный мяч, посылаемый то в одни ворота, то в другие.

Общий политический курс Би-би-си определяется ее советом управляющих из 12 человек, назначаемых премьер-министром. Этот совет в настоящее время возглавляет воспитанник одной из самых привилегированных частных школ Англии, Винчестера, сэр Майкл Суанн. В бытность свою ректором Эдинбургского университета Суанн приобрел широкую известность репрес-

Боюсь, что мои личные убеждения становились все более явными: мне не случайно не поручали составлять программы уже более трех недель. Потому-то для меня был совершенно неожиданным вызов начальника вашингтонского бюро нашей корпорации. Он сообщил мне о командировке во Вьетнам.

Я позвонил Джулиану Гудмену — тогда он возглавлял отдел новостей — и спросил, почему мне надо ехать именно сейчас. Он ответил, что поскольку теперь стало совершенно очевидно, что мы собираемся ввязаться в войну еще больше, Эн-би-си хотело бы послать на место действия своего лучшего репортера. Истинная же причина заключалась в том, что Си-би-эс (конкурирующая компания) только что объявила, что во Вьетнам едет ее ведущий репортер Уолтер Кронкайт, и для Эн-би-си моя поездка будет необходима для спасения репутации в той битве новостей, которую ведут различные компании. И вот я поехал.

По прибытии в Саигон мои подозрения оправдались. Телеграмма из Нью-Йорка подробно сообщала о «подвигах» Кронкайта. В конце мне намекали, сколь захватывающей была бы борьба конкурентов — я versus Кронкайт, — и подбадривали: «Да поможет вам бог поиграть на нем, как на пианино, и постучать, как на барабане».

В принципе я прекрасно отношусь к Кронкайту, и насмешки над ним в телеграммах совершенно не соответствовали моим творческим планам.

В Сайгоне я пробыл неделю и многое понял после разговора с офицерами — у них был гораздо более реалистичный подход к сложной военной проблеме, чем у любого гражданского эксперта по военным делам из тех, что сидят в Вашингтоне.

Я пытался сделать несколько репортажей обо всем, что узнал, но стало совершенно ясно, что там, в Нью-Йорке, от меня ждут (и не только Эн-би-си, но и все радио- и телекомпании) совсем не анализа, а «бума — шума», захватывающего описания военных действий в серо-голубых телевизионных красках. В свое время Уильям Рандольф Херст телеграфировал Фредерику Ремингтону на Кубу: «Обеспечь мне фото для газет, а я обеспечу тебе войну». У нас все было наоборот. Линдон Джонсон говорил: «Я вам обеспечу войну», а радио- и телестанции отвечали: «Отлично, мы в долгу не останемся».

В конце июля Джонсон созвал пресс-конференцию. Он сообщил цифру. Он посылал только 50 тысяч человек. Резервы не призывались. Контроль над экономикой не устанавливался. Вся нация испустила вздох облегчения.

Мне хотелось взорваться и назвать вещи их самыми грубыми именами. Да, но как я мог это сделать? Не мог же я ради собственного удовольствия (конечно же, не на радость компании) прокричать, что все это просто дурацкое шоу, что Соединенные Штаты завязли в Азии как в большом грязном болоте. А если бы даже я и попробовал, кто-нибудь обязательно сказал бы мне то, что полицейский сержант всегда говорит взволнованной даме: «Приведите мне только факты, мэм». Я знал, что Линдон Джонсон замышлял недоброе. Я знал, что принуждали его делать советники, доставшиеся ему в наследство от Кеннеди. Я знал, что за этими пятьюдесятью тысячами солдат последуют еще многие. Я знал, что мы застряли во Вьетнаме на долгие годы. Но, учитывая объективную реальность или, сказать точнее, ради того, чтобы оставаться в эфире, я не мог прокричать «Ложь!»... Или мог? Теперь, оглядываясь назад, я думаю, мне стоило попробовать.

Года через полтора мне пришлось комментировать из студии Эн-би-си в Вашингтоне пресс-конференцию президента. После нее оставалось еще несколько свободных минут эфира, и я должен был подвести краткий итог.

Шла осень 1966 года, Линдон Джонсон только что вернулся из одной из своих частых поездок в Юго-Восточную Азию. На пресс-конференции он сообщил, что ложится в больницу на операцию. Кто-то спросил его, какое отношение имеет этот шаг к его участию в предвыборной кампании как кандидата от демократической партии. Джонсон с некоторым даже возмущением ответил, что и не собирался выставлять свою кандидатуру: «Статьи, распространяющие подобные сведения, — плод фантазии некоторых репортеров».

Факты подтверждали обратное. На самом деле Джонсон замышлял двойную игру Один из моих знакомых — референт Джонсона, сопровождавший его в поездке, — был специально отправлен домой раньше — писать речи. Секретные агенты рассылались по городам для обеспечения безопасности. Короче, планы участия в выборах существовали.

Итак, пресс-конференция закончилась, у меня есть несколько минут, сейчас самое время... Сказал ли я об этом? Нет, не сказал. Я сделал какое-то пустое замечание — что-то там о доблести президента в битве с репортерами, о рыцарском турнире. На мгновение я подумал: а не выложить ли всю правду? Но в дополнение к известной вам уже формуле «объективной ре-

---

сиями с помощью полиции против прогрессивных студентов. До него председателем совета управляющих был лорд Хилл, выпускник Кембриджа, в прошлом министр в нескольких консервативных правительствах. До Хилла этот пост занимал лорд Норманбрук, в прошлом секретарь кабинета министров, курировавший секретные службы Англии. Таковы блюстители политического курса Би-би-си. Ясно, что он, этот курс, неизменно находится в надежных руках...

Димблби родился в семье главного редактора провинциальной газеты; деньги и положение позволили дать Ричарду хорошее воспитание. Он посещал одну из тех избранных и строгих по нраву школ, где «холодная вода и регулярные упражнения помогают в достижении добродетели, совершенства и бога». Дальнейшая карьера молодого Ричарда отличалась от стандартной карьеры «молодого человека из хорошей семьи»: он не стал записываться ни в Оксфорд, ни в Кембридж, а начал пописывать в различные мелкие газеты.

Итак, история начинается с того, что молодой, энергичный, обаятельный, хотя и не слишком образованный, Ричард Димблби поступает в отдел новостей Би-би-си, который поражает его косностью, допотопной негибкостью, презрительной к интересам других неоперативностью... Не совсем так: на самом деле положение было иным. Сам Димблби, любитель «чего-нибудь поострее», потому, верно, и взят был в редакцию, что именно такие люди тогда ей были нужны. Тогдашний руководитель отдела новостей, а позже один из директоров Би-би-си, Ральф Муррей, вспоминая о кипящей энергии, готовности к работе, обаянии, отмечает и еще одну важную черту в молодом Димблби — лояльность. Как подметил Р. Муррей, «он не только не искал ответы на волновавшие тогда молодых интеллектуалов вопросы, его мало волновали и сами вопросы».

Тогда что же толкало лояльного новичка на конфликты с Би-би-си? Да и вправду ли была эта война?

После испанских репортажей Димблби стал ведущим обозревателем радиостанции, более того — единственным, о чьем имени сообщалось слушателям: «наш обозреватель Ричард Димблби». Все важные и наиболее выигрышные репортажи поручались ему, и все же Димблби, неспокойная натура, бунтовал: он считал, что Би-би-си работает по старинке. «В будущем, — твердил он скептикам из директората, — особенно в случае чрезвычайных обстоятельств, войны, Би-би-си должна сыграть жизненно важную роль». К моменту объявления Англией войны фашистской Германии Би-би-си казалась не готовой для такой роли. Неужто и в самом деле лорды и сэры, заседавшие в правлении корпорации, были столь беспечны и близоруки, что сами не подумали о роли такого могучего средства пропаганды, как единственная национальная радиостанция и зарождавшееся тогда телевидение?!

Нет, разумеется. Еще первый председатель совета управляющих лорд Рит разработал принципы зарубежного вещания Би-би-си, которые со временем были развиты в целую систему психологического воздействия на аудиторию. Уже в 30-е годы английское радиовещание на другие страны стало широко применять не только «белую пропаганду», то есть пропаганду, которая ведется «с открытым забралом» и признается источником, но также «серую пропаганду», то есть пропаганду, которая ведется безымянно, на манер «анонимок», и «черную пропаганду», которая выдается за исходящую из другого источника, то есть является подлогом.

В самом начале войны одно из уединенных имений в графстве Сассекс было превращено в секретный радиоцентр, располагающий несколькими передатчиками. Руководителем этого центра был назначен в то время малоизвестный английский журналист по имени Сефтон Делмар, который провел детство в Берлине и в совершенстве владел немецким. Подчинен он был хорошо нам знакомому Локкарту, тому самому, который в первые годы Советской власти плел заговоры против нашей страны. Теперь же, на склоне лет, Локкарт координировал радиопропаганду с деятельностью английской разведки.

Из этого имения в начале 1940 года и стал вещать радиопередатчик, который называл себя немецким именем «Густав-Зигфрид» и подделывался под немецкую станцию, якобы вещавшую с территории Германии. В своих мемуарах, образно озаглавленных «Черный бумеранг», Сефтон Делмар так формулирует один из главных принципов подрывной пропаганды: «Искусно мешать правду и ложь и таким образом вводить в заблуждение население».

Многие методы «психологической войны», применявшиеся против фашистских агрессоров в борьбе не на жизнь, а на смерть, стали широко применяться уже в послевоенные годы против стран, с которыми Великобритания поддерживала нормальные дипломатические отношения.

Все это невольно заставляет думать, что роль таких лояльных забияк, как Димблби, была заранее продумана и точно «вписана» в мозаику «белых», «серых», «черных» и прочих видов пропаганды.

В первые после войны дни мира Ричард Димблби попал по-настоящему в рискованную ситуацию: против него выступили министерство иностранных дел Великобритании, представители всех союзных войск, наконец, английская пресса. Конфликт случился из-за того, что Димблби, до того хранивший верность общему настроению и потому говоривший: «Я не испытываю никаких иных чувств, кроме восхищения тем, как сражались в этой войне русские... Никто острее меня не сочувствует идее длительного взаимопонимания и дружбы с народом России. Если не будет этого, не будет и длительного мира на земле...», неожиданно для всех выступил с таким заявлением «о вопросе наших отношений с рус-

альности» — «Приведите мне только факты, мэм», — существует еще и понятие такта. Как можно сказать людям перед экранами, что их президент обманывает их? Как повернется язык сказать такое — даже если вы настолько в этом уверены, что можете поставить на карту все, включая свою журналистскую репутацию? А что скажет начальство Эн-би-си? Вот какие мысли вертелись у меня в голове, но в конце концов я разрешил сомнения, изобразив из себя по привычке «приводной ремень для передачи мнения Признанного Авторитета» (этому знакомому образцу следовали и все мои коллеги, присутствовавшие на пресс-конференции). Я сыграл в игру так, как от меня требовали правила, а их-то я хорошо знал. Здесь подпустить сомнение, там поставить знак вопроса, высказывать время от времени неофициальную точку зрения — все это разрешалось. Но не многим больше. Я играл по правилам, но все чаще и чаще я вспоминал замечание Уинстона Черчилля об Остине Чемберлене: «Он всегда играл по правилам. И всегда проигрывал». Я все сильнее и сильнее чувствовал, что проигрываю как личность, но как работник я выигрывал. Я играл по правилам. И оставался запрограммированной машиной, но теперь уже я был запрограммирован не столько Эн-би-си, сколько самим собой.

До тех пор, пока разногласия с Признанным Авторитетом и мелкие выпады против него были запрограммированы, до тех пор, пока они проходили в эфир после тщательных репетиций, в нашем большом семействе (Эн-би-си) все было в порядке. Но когда сценарий начал расползаться и переделать его так, чтобы он по-прежнему изображал не саму действительность, а лишь то, что все эти годы казалось нам действительностью, не было никакой возможности, наступили — боже мой! — настоящие беды для нашей Общей Мамы и настоящие беды для меня, ее сына.

Это случилось в Чикаго летом 1968 года. То, что произошло во время чикагского предвыборного съезда демократической партии, слишком хорошо известно, и вряд ли требуются дальнейшие пояснения[1]. Но что, я думаю, не сразу стало ясно миллионам телезрителей, так это изменение роли радио- и телекомментаторов. Получилось, что главным оружием на съезде для многих несогласных с политикой Джонсона стало телевидение. Без телевидения и радио о них бы просто никогда не узнали миллионы американцев. Телевидение и радио практически впервые использовались как приводной ремень для передачи взглядов Несогласного Меньшинства, а не Признанного Авторитета. Может быть, это произошло против нашей привычки, профессиональной подготовки и даже убеждений.

Мне, конечно, было бы приятно объявить, что я или мои коллеги сознавали свою роль в то время. Но, к сожалению, это было не так — мы не осознали ее до тех пор, пока на нас не обрушился поток ярости и злобы. Только тогда я начал понимать, что в Чикаго произошла большая смена всех привычных ролей. И вынести этого публика не могла. На людей никогда не выливалась с экранов телевизоров такая громадная волна протеста в такой короткий период времени. К тому же протест этот исходил из самого зала съезда — не от длинноволосых хиппи, а от вполне приличных представителей среднего класса. От людей, выглядевших так же, как телезрители, и говоривших тем же языком. Зрители не были подготовлены, просто не привыкли к такому.

[1] *В августе 1968 года, во время съезда демократической партии, в Чикаго прошла крупная антивоенная демонстрация молодежи, закончившаяся кровавой вооруженной расправой полиции над демонстрантами.* — *Прим. ред.*

Тех из нас, кто прошел через Чикаго, это событие изменило. И пусть большинство из нас снова вернулось к традиционным ролям, нам хватило одного секундного коленопреклонения перед алтарем Объективности. Мы снова появляемся в привычной ситуации, но публика не сразу, а может, и никогда, не будет воспринимать нас так, как воспринимала раньше.

Владельцы компании пытались, и я вполне понимаю причины их усилий, вернуться к старым образцам. Телевидение основано на знакомом, «ожиданном». Потому-то оно всегда и действует так утешительно. И потому оно так скучно. Демократический съезд был волнующим событием. Но, как это ни парадоксально, хотя трансляция его была, пожалуй, лучшим использованием возможностей телевидения, в то же время она была и худшим использованием его возможностей — публика поняла, что телевидение может быть не только транквилизатором в цветном и черно-белом вариантах. Зрителям слишком долго подавали, если можно так выразиться, ложь о правде. Они привыкли. И поэтому телевидению пришлось стать таким, каким оно было до демократического съезда.

Моя беда в том, что я уже не мог стать прежним. Я изменился необратимо. Однако давление Общей Мамы столь велико, что последующие три года я все-таки пытался войти в старые рамки — а теперь они были еще более жесткими, чем до

▶▶

скими»: «Мы должны продолжать наши отношения, — говорил он, — но без поддержания сотрудничества и прежнего взаимного доверия — на них в будущем рассчитывать не приходится... Попытки возродить их будут напоминать старания человека, пожелавшего подружиться с соседом, отделенным от него высокой стеной».

Вот ситуация, идеальная для настоящего конфликта между комментатором Би-би-си Димблби и самой Би-би-си — радиокорпорацией, хоть, по ее утверждениям, и не правительственной, но к правительству, несомненно, близкой! Но ни конфликта, ни войны не случилось; «случилась» зато обычнейшая мистификация: президенты Би-би-си, прекрасно осведомленные о грядущем в самом скором времени крутом повороте во внешней политике западных стран, тепло поздравили своего сотрудника.

Так все-таки были у великого Димблби конфликты и войны с Би-би-си? Все-таки не были: Димблби был приглашен ведущим в новую развлекательную программу радио, а когда телевидение после военного перерыва в 1946 году возобновило свои передачи, стал там ведущей фигурой. В 1952 году он принимал участие более чем в двухстах программах. Среди его послевоенных достижений — одно первое место в конкурсе на самого популярного человека на радио и три первых места в аналогичных телеконкурсах...

Согласитесь, для приличной войны и даже худосочного конфликта нужны причины не обязательно огромного масштаба, всякие дрязги, сплетни или просто малосимпатичные черты характера вполне справляются с ролью запала. Но ведь такие конфликты, как правило, не выносят на национальное обсуждение, о них не говорят, как о войне Алой и Белой Розы: «Ричард Димблби против Би-би-си!» Но раз уж это произошло, нам стоит полюбопытствовать: да были ли им о чем спорить по существу?

Что касается Би-би-си, точнее, ее заграничного вещания, то здесь даже о формальных атрибутах «независимости», столь дорогой этой английской корпорации, говорить не приходится. Иностранное вещание прямо финансируется правительством, которое решает и на каких языках будут вестись передачи, и какое время этим передачам будет отведено. Но в сущности-то, дело вовсе не в выяснении степени «зависимости» или «независимости» Би-би-си от правительства. Куда интереснее зависимость Би-би-си от сил и политических групп, не стоящих «на миру», но порой более влиятельных, чем иное английское правительство. Ведь не случайно опыт Би-би-си в ведении антисоветской радиопропаганды в свое время стал предметом тщательного изучения в различных подразделениях НАТО и на секретных совещаниях западных специалистов по «психологической войне». Ветераны Би-би-си откровенно поучали другие западные радиостанции, как вести пропаганду. «Что могут дать наши передачи? — говорил в одной такой закрытой лекции на тему «Радиовещание на СССР и Восточную Европу» тогдашний руководитель восточноевропейского вещания Морис Лейти. — Они могут помочь перестроить Европу... помочь создать Европу от Атлантического до Тихого океана. Это долгосрочная программа-максимум, предполагающая изменение в характере европейского коммунизма...»

Кстати, не имел ли Ричард Димблби конфликтов с Би-би-си по поводу этой немаловажной программы-максимум? Я вспоминаю наш совместный с ним репортаж о первомайском параде и демонстрации в Москве в 1961 году. Тогда (я цитирую по уже упоминавшейся книге) Димблби говорил:

«Никогда в жизни я не видел ничего столь грандиозного, поражающего. Это зрелище потрясает, изумляет, ошеломляет. Безбрежное море людей и полотнища над ними, как паруса, колеблемые ветром... Они пришли сюда, чтобы рапортовать правительству от имени всей нации...» Через несколько дней в Лондоне м-р Димблби сообщил нечто иное: русские люди — «мрачные, подавленные люди»...

Нет, похоже, с «программой-максимум» конфликта не должно было быть. Ричард Димблби наряду с тем, что он был страстным монархистом, отличался последовательным, ничем не сокрушимым антикоммунизмом (совсем как Би-би-си, не так ли?). Он не только считал, что коммунизм «распространяется в Англии таинственными путями и в обманчивых одеждах», не только предлагал провести референдум, о тем чтобы объявить Компартию Англии партией предателей «ipso facto», но и сам лично отказывался пожимать руку английским коллегам-коммунистам, если они оказывались у него на пути.

Нет сомнений: что касается антикоммунизма, то Димблби и Би-би-си были одной группы крови; в свою очередь, это само по себе означало, что принципиально у них было и единое понятие об «объективности».

Микрофоны Би-би-си доступны для критики. Но только для критики с позиций буржуазных партий, для «лояльной» критики. Самые изощренные преграды придумываются, например, для того, чтобы не допускать коммунистов к выступлениям по радио и телевидению. Так, одно время Би-би-си следовала придуманному ей самой правилу, по которому вещательное время в период избирательных кампаний выделялось только тем политическим партиям, которые выставляли свыше 30 кандидатов. Но стоило коммунистам выставить свыше 30 кандидатов, как правило тотчас же было изме-

Чикаго. Но все мои усилия оказались тщетными. Скорее всего это все равно бы случилось, даже без Чикаго. Это случилось хотя бы потому, что за последние несколько лет индивидуальная роль политического комментатора в Эн-би-си очень ограничилась. Ощущение радости сотрудничества с режиссером на равных пропало, и не только у меня. Комментаторы оказались в полном подчинении у режиссеров, которые, в свою очередь, подвергались постоянному давлению со стороны администрации. Для тех, кого это не волновало, кто был согласен просто зачитывать сводки, все было проще. Для меня же это была настоящая беда, потому что мой подход к делу становился все более творческим, и я уже не мог иначе.

За редкими исключениями, роль комментаторов свелась к минимуму. Была восстановлена полная «гармония». Все стало так, как будто событий в Чикаго никогда и не было.

Принять этой гармонии я не мог. Мой разум и чутье подсказывали мне, что мы явно регрессировали. Мы избегали всяческой полемики. Мы были рабами телеграфных сводок, более послушными, чем когда-либо, приводными ремнями для передачи взглядов Признанного Авторитета. Я понял, что надо уходить.

Но это разрешение лишь одной проблемы. Другая проблема, которой я так и не разрешил, это попытка понять, что неладно с передачами теленовостей. Я твердо уверен, что, пока положение не переменится, работать в них я не смогу. Это тоже моя личная проблема. Но я полагаю, что это также проблема для тех, кто остался. Люди чувствуют, что здесь что-то не так, но то ли не могут, то ли не хотят попытаться это «что-то» изменить или хотя бы предпринять шаги в этом направлении. Они выбрали путь наименьшего сопротивления, продолжая поставлять успокоение, — в надежде, что второго Чикаго не будет. Они ошибаются.

Пример — то, что произошло с компанией Си-би-эс после их передачи о Пентагоне. Правда, Си-би-эс стремилась в процессе редактирования сгладить острые углы (ответ на один вопрос подставляли к другому и наоборот — хотя я лично не понимаю, что люди могут увидеть спорного в фактах, говорящих о том, что Пентагон каждый год тратит миллионы долларов на прославление собственного величия). Но конгресс, пожалуй, совсем не это взбесило: оказывается, мы — телевидение — не совсем залезли обратно в свою скорлупу, в то время как после Чикаго все были в этом уверены!

Если вас держат на строгой пресной диете, вы, уж конечно, поперхнетесь, когда вам подадут горячее мясо под острым соусом. Если вы настаиваете на том, чтобы держать людей на строгой диете успокоительной лжи, то вы непременно повредите их «органы пищеварения», неожиданно подав им что-нибудь экзотическое.

Если вы хотите этого избежать, надо давать больше документов о Пентагоне, о рабочих-эмигрантах и т. д., и не наобум, а постоянно, последовательно. Ну а если этого не делать, то вы будете неизбежно продолжать удивлять людей и в конце концов вызовете их озлобление. Они разозлятся, что вы резко меняете правила в игре с ними. А жизнь в наше время достаточно трудна, и неуверенность в завтрашнем дне велика и без такой «перемены правил игры».

Если все то, что я здесь написал, звучит чрезмерно резко, это получилось не намеренно. Люди, с которыми я общался около пятнадцати лет, в большинстве своем были очень приличными и умными людьми. Среди них нет злоумышленников. Но нет среди них и героев. Однажды, проснувшись утром, я представил себе такую картину: кучка золотоискателей, собираясь ежевечерне у стойки в салуне «Последний шанс», рассматривает с нежностью слитки, найденные давным-давно, и снова и снова болтает о том, как славно жилось в старые добрые времена.

Может быть, мои времена ушли безвозвратно, а может быть, и нет. Но мне надоело сидеть у стойки и смотреть на слитки, найденные когда-то ими или мной, слушать их старые истории и рассказывать свои, и наблюдать упадок вокруг нас. Итак, на время я прячу свою кирку. Может быть, когда-нибудь я снова достану ее, еще раз взгляну на старую жилу и постараюсь определить, осталась ли она такой же золотоносной, как мне когда-то казалось. Кто знает, быть может, я еще раз отправлюсь на прииск и попытаюсь еще раз найти пару слитков, потому что, однажды побывавши там, я знаю, что если найдешь слиток, и он действительно хорош, то уж он блестит по-настоящему.

...Через несколько недель после того, как я написал эту статью, я получил предложение от одной из радиокомпаний. Итак, я снова взялся за свою кирку, и гораздо раньше, чем сам мог ожидать. Наступал год выборов, и я не хотел сидеть в одиночестве в салуне «Последний шанс», в то время как остальные трудились на приисках, но на этот раз у меня нет иллюзий. Эльдорадо не найти.

Перевела с английского
И. ПОРУДОМИНСКАЯ ■

нено: теперь необходимо было выставлять уже свыше 50 кандидатов, чтобы руководство Би-би-си признало элементарное демократическое право законно существующей свыше 50 лет партии разъяснить свою платформу избирателям.

Все чаще и чаще раздаются в Англии протесты по поводу непрекращающихся передач с нападками на профсоюзы, на забастовщиков, сторонников мира, по поводу расистской пропаганды Би-би-си. Вынужденный уйти недавно в отставку заместитель министра внутренних дел Англии Алекс Лион указал, в частности, на то, что Би-би-си систематически отказывает «цветным» в приеме на работу и в выступлениях по телевидению. А некоторые передачи носят прямо-таки подстрекательский характер; например, показанный по телевидению Би-би-си фильм «Открытая дверь» довольно открыто намекал на то, что во всех бедах Англии виноваты «цветные иммигранты».

Мне хотелось бы еще раз вернуться к тем двум суждениям относительно Ричарда Димблби, о которых говорилось в начале статьи. Мне еще раз хочется сказать, что обозреватель Димблби был действительно высокопрофессионален, талантлив и изобретателен. Довольно часто он, похоже, раздражал руководителей Би-би-си своей неуемной энергией и «авантюрными» планами. Наверное, не всегда они были довольны и тем, что личность Димблби порой перерастала те контуры, которые лорды из Би-би-си прорисовывали для каждой своей новой программы, каждой новой кампании, наконец, каждого действующего в ней лица. И точно так же, как и в первом случае, я хотел бы еще раз сказать, что полностью верю м-ру Димблби в том, что его единственным редактором был он сам. Газета «Санди таймс», говоря о военном опыте Димблби, писала: «У него никогда не было повода или склонности сомневаться в достоинствах британской социальной и политической структуры... закончил же он войну апостолом системы, которая эти достоинства гарантировала...» Спрашивается: какие же могут быть у апостола «британского образа жизни» причины для серьезных конфликтов или даже битв с одним из примерных институтов этого образа жизни — корпорацией Би-би-си? Как говорил небезызвестный герой Редьярда Киплинга: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Ну а в нашем случае — «Мы с тобой сами себе редакторы, ты и я».

Прошло время. Прошло много времени, если учесть, что «эпоху противостояния» сменила разрядка, сменил дух Хельсинки. Впрочем, везде ли произошла эта перемена? Что, в частности, нового, если таковое вообще имеется, у Би-би-си? Тема эта обширна и заслуживает отдельного разговора, я же хотел бы ограничиться здесь двумя иллюстрациями.

Вот первая: цитата из заявления журналиста Джонатана Стила, опубликованная журналом «Лиснер»: «У слушателей (речь идет о внутренних передачах Би-би-си. — *Б. Б.*) создается впечатление, что за последние десятилетия в СССР ничего не изменилось. Большинство материалов, присланных корреспондентами из Москвы, носит негативный характер. Например, в 1972 году из-за засухи в СССР был плохой урожай, и Би-би-си изо дня в день твердила об этом, однако в 1973 году она едва обмолвилась о том, что советский народ собрал рекордный урожай». Ясно, что подобная "объективная" информация о Советском Союзе в наши дни не может отвечать духу договоренностей, достигнутых в Хельсинки, никак не может способствовать возникновению того климата доверия и уважения, без которого немыслим процесс разрядки.

Иллюстрация вторая. Речь идет об очередном скандале Би-би-си, разгоревшемся в конце 1975 года, но продолжающемся и поныне. Молодой консерватор Уинстон Черчилль, стремясь, видимо, доказать, что хотя бы в ненависти к коммунизму он не уступает своему знаменитому предку, вернулся из поездки в Лиссабон с важным поручением от португальских реакционеров. Они требовали немедленно убрать из отдела вещания Би-би-си на Португалию португальского журналиста Антониу Карташо, который подозревался ими в симпатиях к левым силам.

Тут же с оперативностью, которой позавидовал бы и сам Димблби, в английском парламенте выступил ряд консерваторов с утверждением, что вещание Би-би-си на Португалию «носит слишком левый характер». Тут же с уже привычной для таких случаев оперативностью пришел в действие хорошо отлаженный механизм английской «демократии», и администрация Би-би-си, ранее только хвалившая работу Антониу Карташо, вдруг в феврале 1976 года сочла необходимым уволить его за... «некомпетентность».

Как-то на склоне лет бурной и не без славы прожитой жизни Ричард Димблби, которому, по мнению многих, случайно и совершенно напрасно не присвоили почетного звания «сэра Англии», с горечью сказал, что он «стал еще одним микрофоном Би-би-си». Такие люди — а их было немало, — как Антониу Карташо, не превратились в «микрофоны» Би-би-си. Но они и не числятся в рядах ее сотрудников. В этом чувствуется железная логика. ■

«Третьей партией» называет себя пресса США, имея в виду, что сила ее и влияние на массы вполне могут быть сравнимы с силой и влиянием демократов и республиканцев. Мнение это, несомненно, льстящее самолюбию журналистов, редакторов и издателей, нуждается, однако, в коррекции: во-первых, сами они, журналисты и редакторы, принадлежат к той или иной партии или одной из них симпатизируют; во-вторых, даже если средства массовой информации США и представляют «третью партию», то партию такую же буржуазную, как и первые две.

Вот уже 30 лет романист и драматург Гор Видал шокирует публику, обвиняя американскую систему в продажности и политиканстве. Казалось бы, скандал! Тем более что Видал, хотя и немного у него коллег «по сотрясению основ», не одинок. В чем же тут дело! А в том, что основы он, в сущности, и не трогает; в том, что он призывает скорее к «усовершенствованию» все той же системы, которая сегодня трещит по всем швам.

Да и мало их, «разрушителей». Куда меньше, чем тех, кто ежедневно в печати и ежечасно в эфире создает буржуазные мифы, с которыми так азартно и так безуспешно борется Гор Видал.

Гор ВИДАЛ,
американский публицист

КТО ОНИ, НАСТОЯЩИЕ ВРАГИ

ИЛИ РАЗГОВОР ГЛУХОГО С НЕМЫМ

„Как вы можете говорить такие ужасные вещи об Америке, если сами живете в Италии?» Когда бы мне ни приходилось выступать на телевидении, я всегда слышу этот «каверзный» вопрос. Начиная с жизнерадостной Барбары Уолтерс[1] из передачи «Сегодня» (где мне любезно выделили 6 минут) и всех остальных не менее жизнерадостных охотников за интервью, все в нашей великой стране считают своим первейшим долгом срочно сообщить аудитории, что я живу в Италии, а не в Штатах. Может ли кто-нибудь принимать всерьез хоть единое ▶

[1] *Известная тележурналистка, ведущая одну из наиболее популярных у так называемого «среднего американца» передач «Сегодня».* — *Прим. ред.*

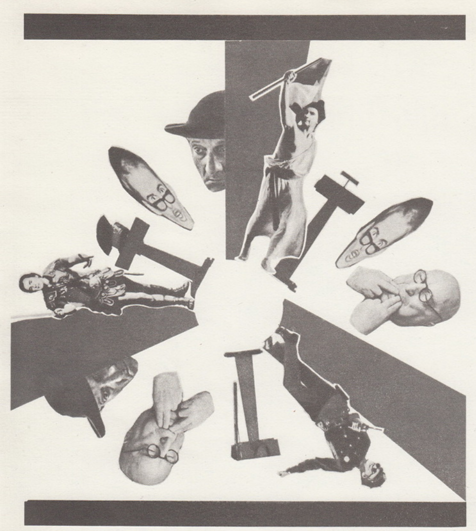

МНЕНИЕ БЕЗ СОМНЕНИЯ,

ИЛИ КАК ЖИТЬ НЕ ХУЖЕ ДЖОНСОВ?

П. НИКОЛАЕВ

Некоторые американские социологи считают, что серьезное изучение влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения началось после одного трагикомического события. Произошло оно по случайному, а может быть, и не совсем случайному совпадению в день подписания позорного Мюнхенского пакта 30 октября 1938 года, когда Англия и Франция развязали Гитлеру руки для нападения сначала на Чехословакию, а затем на другие страны Европы. По радио США в тот тревожный день передавали инсценировку фантастического романа Герберта Уэллса ▶

слово, сказанное этим ужасным типом, живущим в Италии, о стране, известной не только как величайшая держава в мире, но и как страна, где жизнерадостная Барбара Уолтерс и К° мастерят миленькие и никому не нужные передачки.

Когда-нибудь мне это надоест, и я поддамся искушению сказать все. Во-первых, я плачу полный американский налог: 50 процентов моих доходов идет на поддержку пентагоновских генералов. Во-вторых, добрую часть времени я провожу в стране свободы, месяцами мотаясь из одного ее конца в другой, обсуждая положение в Штатах с консервативной аудиторией. Благодаря этому мне удается узнать страну гораздо лучше, чем всем нашим жизнерадостным телевизионщикам.

Прошлой осенью за четырехнедельный тур я прочел 15 лекций в различных колледжах и залах для общественных встреч в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Западной Вирджинии, Небраске, Миссури, Мичигане, Вашингтоне, Орегоне, Калифорнии...

Октябрь 29, Бронкс, Нью-Йорк. Группа женщин. 10.30 утра в кинотеатре, где идет «Франкенштейн»[1] знаменитого Уорхола. Довольно большая аудитория — 5—6 сотен человек.

Я разложил карточки с текстом на столе. Весь свет направлен на меня. Аудитория в темноте. Тишина. Такая же успокаивающая, как на телевидении. Правда, там я чувствую спокойствие, которого у меня не бывает при встречах с аудиторией.

Я сразу предупредил слушательниц: «Я буду обращаться к записям». Вообще я читаю. Никогда не мог ничего запомнить. Сколько бы раз ни произносил одну и ту же речь, слова кажутся мне всегда новыми... Как Эйзенхауэр в 1952 году: «Если меня в ноябре изберут президентом, — прилежно читал абсолютно для него незнакомый текст Великий Игрок в гольф, — я поеду в... Корею?» От возмущения на слове «Корея» голос перешел в крик. Никто не предупредил его, что он даст это

[1] *Фильм ужасов. — Прим. ред.*

«Борьба миров» в постановке талантливейшего актера и режиссера Орсона Уэллеса. В ходе передачи диктор объявляет о внезапном нашествии марсиан, актеры изображают панику, страх землян перед надвигающейся катастрофой.

Неожиданной и ошеломляющей была реакция радиослушателей. Тысячи американцев приняли радиопередачу за реальную информацию о событии, происходящем в стране, они бросились осаждать полицейские участки, редакции газет и радиостанции, многие бежали из городов, других доставляли в больницы с диагнозом «нервное потрясение».

Возможно, все так и было, и пристальное изучение роли и мощи СМИ, их влияния на общественное мнение и в самом деле началось после описанного случая. Не приходится, однако, сомневаться, что попытки использовать существовавшие тогда средства информации для формирования и управления «информированным электоратом» (так называют в Америке ту часть населения, которая принимает участие в выборах) предпринимались с первых дней появления печати и радио в США. По традиции СМИ рассматриваются в этой стране как некая особая политическая сила, стоящая между управляющими и управляемыми, и точно так же, по традиции, СМИ почитается одним из важнейших институтов американской демократии. На практике роль средств информации даже шире роли чисто политической: они формируют общественное мнение в областях идеологической, экономической, этической и эстетической. Короче, в том, что определяется понятием «американский образ жизни». Так как деятельность СМИ носит активный, даже агрессивный, характер, можно сказать, что та давняя передача — «Борьба миров», — в сущности, и не кончается; борьба, которую ведут «управляющие» за устраивающее их общественное мнение «управляемых»...

Еще Ильф и Петров в «Одноэтажной Америке» отмечали слабость американцев к статистике. Как свидетельствуют социологи, американцы в этом отношении изменились мало и в газетах с особым интересом читают прежде всего результаты опросов общественного мнения, из которых узнают, что думает по тому или иному поводу средний американец (мифическое лицо, изобретенное статистиками, чье мнение и суждения для многих звучат как божественное откровение. На человеческий переводится так: «А что я вам говорил?..»).

Среди крупных политических деятелей последних лет особую любовь к опросам питал бывший президент Линдон Джонсон, часто повторявший: «США — это открытое общество, в котором право людей знать охраняется и лелеется».

Среди приближенных к президенту лиц был некто Оливер Куэйл, снискавший доверие тем, что правильно предсказал победу Джонсона на выборах 1964 года. Так вот Куэйлу было поручено постоянно проводить опросы общественного мнения лично для президента, результаты которых, однако, немедленно попадали в прессу Совершенно очевидно, что результаты опросов в немалой степени программируются интересами заказчика, то есть тем, хочет ли он знать истину или то, что подтвердит его точку зрения; ведь именно заказчик определяет круг опрашиваемых людей, формирует вопросы и оплачивает труд интервьюеров. Куэйл в качестве дежурных интервьюеров использовал не профессиональных социологов, а простых домохозяек, не всегда точно, по свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», проведшей вслед за Куэйлом свой опрос, знавших, в какой стране находится Берлин. Опросы эти сыграли немалую роль в судьбе страны. Президент Джонсон заявил, что решение начать эскалацию войны во Вьетнаме было принято после того, как он ознакомился с «общественным мнением» (большинство, видимо, решив быть любезными с настырными домохозяйками, высказалось тогда за бомбардировку Ханоя и Хайфона). Результаты этих опросов широко использовали и «патриотически» настроенные средства массовой информации. Так была оправдана заранее спланированная и тщательно разработанная акция, о преступном характере которой американский на-

торжественное обещание. И он-таки поехал в Корею, затаив злость.

Я заверяю аудиторию, что время от времени буду отрываться от записей, чтобы «создать непринужденную атмосферу». Смех. Позже, по мере того, как я буду говорить вещи, которые не принято говорить в нашей великой стране, где цена свободы — вечная осторожность, настроение начнет портиться.

Для начала я импровизирую. Заставляю их смеяться. Я давно понял, что смех скорее вызывает своевременно сказанное слово, чем настоящее остроумие. Я говорю им, что намерен осветить все проблемы, стоящие перед США, за 27 минут — время, нужное мне, чтобы прочесть свои записи (затем полчаса — вопросы и ответы). Все проблемы, кроме одной и самой главной — слабеющая экономика (все очень просто: политика — это искусство накапливать и тратить деньги, а все, о чем говорю я, есть политика). Унылый смех.

Начинаю читать. Свет бьет в глаза, а стол так низко, что расплываются слова и буквы. Сердце замирает от вспышек и щелчков камер: мой второй подбородок почти незаметен, но, если смотреть снизу, можно увидеть его разительное сходство с лягушачьими брыльями Губерта Хемфри. Почему бы мне не попробовать носить шарф? Или не сделать металлические зажимы, подтягивающие дряблую кожу за уши, как у одной актрисы, игравшей много лет назад в моей телевизионной пьесе? Но нет! Пусть все недостатки моей плоти будут выставлены на публичное обозрение. Солдат — вперед. Читаю:

«Судя по опросам общественного мнения, главная проблема нынешнего дня — нарушение закона и порядка. Для правого крыла нашего общества закон и порядок часто определяются одной кодовой фразой: «Хватай ниггеров». Для левого крыла закон и порядок часто обозначают всего лишь политические притеснения. Во время наших очередных нелепых выборов — нелепых потому, что выставляются личности, а не политические взгляды, — наши кандидаты объявляют преступности войну, о которой забывают тотчас после подсчета голосов».

Иногда в этом месте я пускаюсь в анализ американской политической системы. Явно преждевременно. Этак можно напугать аудиторию.

«В США, — говорю я, — есть только одна партия — Партия Собственников, у которой два крыла: республиканское и демократическое. Республиканцы немного более глупы, более косны, более доктринеры, отстаивают невмешательство правительства в дела экономики; демократы более умны, более обаятельны и немного более продажны — на нынешний день (после этих слов нервный смех); они более гибки и готовы на мелкие уступки, когда бедные, черные или антиимпериалисты начинают выходить из подчинения. Но в главном разницы между ними нет. Кто в 1968 году давал деньги Никсону, давал их и Хемфри [1].

Можно ли ожидать изменений в каком-либо крыле Партии Собственников? Нет. Посмотрите на Макговерна [2]. *До предвыборного съезда своей партии он говорил о налоговой реформе и экономическом равенстве... или что-то вроде этого. Некоторое время казалось, что он с честью готовится занять место на Арлингтонском кладбище* [3]. *Но вот его выбрали кандидатом в президенты, и он вообще перестал говорить о чем-либо серьезном. Был ли он неискренен? Не имею представления. Я думаю, он просто не понимал, что, если ты говоришь об экономической справедливости или о существенных изменениях, ты не получишь 40 миллионов долларов, необходимых кандидату, чтобы заплатить за выступление на телевидении, где нельзя говорить ни о чем, имеющем хоть какое-то значение».*

Обычно я говорю о Партии Собственников чуть позже. Или во время вопросов и ответов. Или вообще не говорю. Забываю.

«Вернемся к нашему пониманию закона и порядка.

Пример: почти 80 процентов полицейских США занимаются регулированием нашей личной жизни. Я имею в виду контроль за тем, что мы едим, пьем, курим... В результате этого наша полиция стала самой продажной во всем западном мире».

В этом месте среди женщин нервные вздохи, смешки среди студентов колледжей, холодная тишина в Атлантик-Сити.

«Конечно, можно и впредь позволить полиции ради ее собственного удовольствия повышать доходы за счет мафии и других преступных типов, при условии, что полиция проявляет должный интерес к защите личности и имущества, для чего, собственно, она и существует. Посему давайте-ка уберем из уголовного кодекса все статьи, касающиеся нашей личной жизни, — так называемые преступления без жертв. А уж о добродетели наших четвероногих братьев позаботится С. П. К. А.» [1].

Смех облегчения: да он не всерьез... А может, всерьез? Пять лет назад меня так хорошо не понимали.

«Я так беспокоюсь о полиции, потому что, как правило, она является поддержкой фашистских движений, а США так же склонны к фашизму, как и многие другие страны. Конечно, нельзя винить только полицейских. Они такие, какие есть, потому что американцы никогда не понимали билль о правах. А пока мы страдаем прежде всего от такой тайной полиции, какую, мне кажется, демократическая республика не может терпеть. Теоретически ФБР необходимо. Для расследования преступлений. Но все годы, сколько существует ФБР, главные преступники — мафия, «Коза ностра» — продолжают свободно и успешно обделывать свои делишки. За исключе-

[1] *На выборах в ноябре 1968 года кандидатом в президенты от республиканцев был Р. Никсон, а от демократов — Г. Хемфри. — Прим. ред.*

[2] *Дж. Макговерн был кандидатом в президенты от демократической партии в 1972 году. — Прим. ред.*

[3] *На Арлингтонском кладбище похоронен президент Д. Кеннеди, убитый в Далласе. — Прим. ред.*

[1] *Общество защиты животных. — Прим. ред.*

род узнал лишь в 1971 году из опубликованных «Документов Пентагона».

Не менее известны примеры того, как давление СМИ и тенденциозные опросы общественного мнения оказывали серьезное воздействие на тактику политических деятелей в их борьбе за власть. Так случилось и во время президентской «гонки», в которой участвовал один из кандидатов от демократов, Макговерн, — кампания 1972 года. Тогда реакция СМИ свелась к замалчиванию, к «замораживанию» кандидата. Как результат — Макговерн был попросту-напросто вынужден «свернуть знамена» и уйти в тень. Заметьте, однако, читатель, что подобную игру в поддавки вести было бы трудно, если вообще возможно, если бы «партнер» — а в этой игре партнером выступал все тот же средний американец — не готов был бы «съесть» все, что ему предлагали. Тут и возникает главный вопрос: а как, собственно, устроен этот средний обыватель, из чего слеплены его душа и разум, что так легко удается управлять его реакциями? И как, наконец, действуют средства информации (они же — средства пропаганды и убеждения), в чем заключается их сила и какова их «игра»?

Профессор Стэнфордского университета Вилбур Шрам справедливо считает:

«Марксистские критики сказали бы, что реальный контроль над американскими средствами массовой информации обусловлен собственностью богачей и крупных корпораций. — Далее профессор добавляет: — И нельзя спорить с тем, что идеи этого социального и экономического класса доминируют на редакционных страницах». Не будем подводить профессора и спорить с бесспорным утверждением. Добавим, однако, в подтверждение, что практически все органы массовой информации в США — это частные, коммерческие предприятия, предназначенные для получения прибыли. Известный магнат прессы лорд Томсон, который владел сотнями газет, теле- и радиостанций в США, Англии, Канаде и других странах, говорил: «Газеты — это кассовые аппараты, своего рода сказочные куры, регулярно несущие «золотые яйца». Действительно, информационный бизнес весьма выгодное дело: прибыли большинства газетных корпораций и телекомпаний примерно на 70 процентов выше средних прибылей всех отраслей промышленности США. Но откуда берутся такие огромные доходы? Реклама — вот главный источник доходов и самого существования средств массовой информации в США. Газеты и журналы продают страницы своих изданий, а теле- и радиокомпании — эфирное время крупным промышленным корпорациям для рекламы. Кроме того, фирмы-заказчики — «спонсоры» — оплачивают производство целых программ и фильмов, чтобы создать для себя этакий филантропический образ, «имидж», при этом, естественно, они не забывают в этих программах рекламировать свои товары.

В этот процесс вовлечены огромные деньги. Достаточно сказать, что одна минута рекламного времени на телевидении стоит 50—60 тысяч долларов, а в некоторых случаях достигает 200 тысяч. В целом телекомпании США получают от рекламы более 4 миллиардов долларов дохода в год, радио — 1,5 миллиарда, издательства газет и журналов —8,5 миллиарда. Выплачивая такие колоссальные суммы, корпорации не забывают и о себе — стоимость рекламы включается в стоимость товаров. Таким образом, хотя рядовой американец, как уже говорилось, и не платит за пользование телевидением, при окончательном расчете оно обходится ему в копеечку.

В своей книге «Тайные искусители» социолог Вэнс Паккард приводит любопытные факты, свидетельствующие о прямой связи между качеством телепрограмм и политикой рекламодателей: фирма «Филипп-Моррис», например, обнаружила, что телевизионная серия «Я люблю Люси», которую она финансировала, никак не способствовала увеличению спроса на сигареты, выпускаемые данной фирмой. В чем дело, почему миллионы долларов, вложенные фирмой в эту комедию, не принесли ей ожидаемых дивидендов? Психологи, работающие в штате агентства, рекламирующего продукцию «Филипп-Морриса», дали свое заключение: «Фильм по-

нием случайных грабителей банков или воров автомобилей, ФБР не выказывает особого интереса к преступлениям. Оно отдает все силы слежке за теми американцами, чьи политические убеждения не совпадают со взглядами покойного Дж. Эдгара Гувера[1] *— человека, ненавидевшего коммунистов, черных и женщин, — приблизительно в такой последовательности».*

Вот сейчас аудитория шокирована, тут уж не до смеха.

«Я предлагаю, чтобы ФБР ограничило свою деятельность расследованием организованных преступлений и перестало делать вид, будто бы оно верит, что человек, который выступает против необъявленных войн, как, например, во Вьетнаме, или против «Дженерал моторс», или против загрязнения окружающей среды, хочет уничтожить с иностранной помощью правительство и конституцию».

На этом месте перехожу к новой теме.

«Ну, вполне достаточно о делах на внутреннем фронте, как говорил генерал Эйзенхауэр. Теперь несколько скромных предложений по поводу будущего Американской империи. В данный момент дела идут плохо. В экономике. В политике. И никаких военных успехов.

В начале этого века мы заявили претензию на мировое господство. Мы выиграли войну с Испанией и стали владельцами испанской части острова Кубы и Филиппин. Народ Филиппин не желал, чтобы мы им управляли. Тогда мы убили 3 миллиона филиппинцев — самый крупный единовременный акт геноцида до Гитлера».

Аудитория всегда проявляет большой интерес к этой цифре.

«Первая и вторая мировые войны разорили старые европейские державы и создали нашу. В 1945 году мы были великой мировой силой не только в экономике, но и в вооружении — только у нас была атомная бомба. Пять лет мы пребывали в спокойствии. К несчастью, те отрасли промышленности, которые разбогатели во время войны, объединившись с профессиональными военными, тоже набравшими силу, решили, что в интересах США — развивать военную промышленность.

Теоретически это было необходимо, чтобы охранять нас от коммунистов. Практически — чтобы продолжать вкладывать государственные деньги в такие компании, как «Боинг» и «Локхид», содержать Пентагон, его генералов и адмиралов, наполнять кормушки для тех конгрессменов, которые из года в год делают все, о чем бы ни попросил Пентагон, с условием, что основные военные контракты будут отданы тем округам, от которых избраны эти конгрессмены».

Неуклюжее предложение. Никогда не мог верно его сформулировать.

«Таким образом, в расцвете нашего величия мы начали приходить в упадок».

В этом месте абсолютная тишина.

«Вместо того чтобы использовать наше благосостояние для улучшения жизни граждан страны, мы тратим треть федерального бюджета на вооружение и на необъявленные войны. Фактически в течение последних 33 лет мы были страной-гарнизоном, чья основная цель — производство оружия и ведение незаконных войн, открыто во Вьетнаме и Камбодже, тайно в Греции и Чили. Если нужно выбирать между военной диктатурой и свободным правительством, мы всегда поддерживали диктатуру. А потом удивляемся, почему нас везде называют лицемерами.

За треть века единственно, кто нажился на постоянном грабеже государственной казны, были компании, занимающиеся производством вооружения. И этот грабеж идет с молчаливого согласия тех конгрессменов, которые утверждают контракты, и тех генералов, которые, рано подав в отставку, работают на эти же компании.

Что делать? Скромное и само собой напрашивающееся предложение: сократить военный бюджет».

Я еще немного говорю на эту тему, а затем перехожу к ответам на вопросы.

На вопрос об «энергетическом кризисе» отвечаю так: *«Я бы предложил отдать все национальные богатства — нефть, уголь, минералы, воду — во владение народа, правительства».*

Когда два года назад я делал такое предложение, реакция аудитории была резко отрицательной. Даже произносилось страшное слово «коммунизм», не говоря уже о подкопе под «свободное предпринимательство» и «американский образ жизни». Теперь аудитория как будто довольна. Даже задубелые консерваторы изменили своей любви к нефтяным компаниям. И все же, когда я говорю об успешной национализации в Англии сталелитейной промышленности несколько лет назад, аудитория не верит ни во что из сказанного. С таким же успехом я бы мог говорить все это по-гречески. Год за годом им скармливают объедки лживой информации, и они поглощают ее вместе с телевизионной коммерческой рекламой.

«Тем, кто выступает против национализации ресурсов, защищая свободное предпринимательство, следует напомнить, что это самое свободное предпринимательство умерло в США много лет назад. Большой бизнес — нефть, сталь, сельское хозяйство — избегает открытого рынка. Гигантские корпорации согласовывают цены между собой, выбрасывая из седла мелких предпринимателей. Создав конгломераты, гигантские корпорации бросают вызов самой законности государства.

Тем, кто влюблен в «Стандарт ойл» или «Дженерал моторс» и думает, что эти компании служат им, — мои симпатии. Лично я предпочел бы, однако, чтобы основные сырьевые ресурсы, действительное богатство страны, были в наших руках, а не в их. Наверное, мы бы вели наши дела не хуже, чем теперь ведут они.

Что касается качества нашей жизни, могу сказать, оно невысоко для большинства людей, потому что они не имеют больших денег. 4,4 процента владеют бо́льшей частью Соединенных Штатов. Чтобы принадлежать к этим 4,4 процента, необходимо иметь чистых, по крайней мере, 60 тысяч долларов».

Эта приблизительная цифра взята из

[1] *Дж. Э. Гувер — бывший директор ФБР. — Прим. ред.*

ставлен «слишком хорошо», он так увлекает телезрителей, что те по его окончании предаются обсуждению достоинств игры актеров, игнорируя рекламу сигарет и название фирмы-«спонсора». В другом случае психологи обнаружили, что реклама вина, выпускаемого фирмой «Моджен Дэвид», не срабатывала, так как она демонстрировалась посредине «слишком захватывающего» научно-фантастического фильма. «Моджен Дэвид» срочно поменяла фильм, вставив свой рекламный ролик в обычное легковесное телевизионное шоу. В результате было зафиксировано увеличение продажи вина вышеуказанной марки на 100 процентов. После такой коррекции зрители, надо полагать, не столько видели фильм, сколько рекламу.

Американец привыкает к рекламе с раннего детства. Многие фирмы даже специально готовят рекламные передачи, рассчитанные на детей дошкольного возраста, побуждая малолетних требовать от родителей купить тот или иной товар. Дети выучивают веселые песенки, рекламирующие пиво и сигареты, куда раньше, чем познают вкус самого пива или сигарет. Человека в обывателя превращает четко разработанная система социальных привязанностей и ориентиров: каждая социальная прослойка связывается с определенными стандартами потребления — типом дома, автомобиля, кухонного оборудования, одежды и политических взглядов. Боязнь выглядеть хуже других, недостойным своего общественного положения, прослыть отщепенцем вынуждает американца покупать то, что предписывает реклама, изо всех сил стараться достичь уровня «соседа Джонса» и — по возможности — перещеголять его.

Как нетрудно заметить, информация, передаваемая СМИ, — 1770 газет, 10 тысяч журналов, 900 телевизионных студий и 7800 радиостанций — составляет основу духовного рациона среднего американца. Причем не только чисто коммерческого, ориентирующего потребителя на рынке товаров, но и определяющего его на рынке идей. «У нас были свои проблемы в продаже программы Никсона...», «Следует ли президенту улыбаться или выглядеть серьезным на плакате, адресованном молодежи?» — вот что волновало советника президента Никсона во время предвыборной кампании.

Вот хотя бы одна проблема, которой СМИ вынуждены были заняться: расовая. Издавна изображение негров сводилось к трем основным стереотипам, пришедшим из «белой» прессы и литературы прошлого века: «негры ленивы», «негры — неполноценная раса», «негры стремятся к насилию». Если негры и появлялись на экране телевизора, то в основном в роли прислуги — шоферов, официантов, в лучшем случае джазменов. Появившись на экране, они исправно играли «положенную» им роль: совершали очередное преступление, убивали или насиловали белых. Таким образом, у зрителя постепенно создавался четкий образ. Как результат — любое проявление независимости, любое выступление негров в защиту своих прав воспринимается многими белыми американцами как акт агрессии и насилия. В разгар движения за гражданские права 60-х годов большинство газет на юге США не сообщали читателям о зверствах расистов: сожжениях негритянских церквей, убийствах негритянских лидеров и белых борцов за социальную справедливость. В то же время любое заявление негра, которое можно было истолковать как угрозу белым, немедленно подхватывалось... «Я хотел бы произнести mea culpa plea — слово покаяния от себя и от всех моих собратьев-журналистов, — писал редактор газеты "Атлантик коуст" Ральф Магилл, — необъективное и зачастую лживое освещение расовых волнений было не только отвратительно по своей сути, но имело трагические последствия, ибо толкало экстремистов на отчаянные действия против закона». Беда, что такие слова произносились п о с л е того, как «волнения» произошли.

Долгое время среди американских социологов преобладал так называемый «пессимистический» подход: они считали, что «медиа» — «средства» (массовой ин-

данных налоговой службы США, но мне трудно в нее поверить. По-моему, на самом деле она гораздо выше. Цифры, которые появлялись в последнее время, показывают, что страной владеет всего 1 процент с гораздо более высоким капиталом.

«Этот озолоченный класс удерживает от восстаний 95,6 процента остальных граждан страны американским вариантом формулы «хлеба и зрелищ», основное из которых — коммерческое телевидение. С колыбели до могилы ящик с экраном говорит вам о разных хороших вещах, которые вы должны иметь, потому что другие люди (более симпатичные, чем вы, и более кредитоспособные, чем вы) имеют их.

Гениальность наших правящих классов заключается в том, что они ухитряются оберегать громадное большинство американцев от сомнений в справедливости системы, при которой большинство работает до изнеможения и платит высокие налоги, в то время как налоги, например, такой межнациональной монополии, как «ИТТ», в 1970 году сократились, несмотря на увеличение ее прибылей».

«У нас есть свобода!» — то и дело кричала мне в ухо жизнерадостная Барбара Уолтерс во время моих 6 минут в передаче «Сегодня». Я отвечал ей: «В США у вас нет свободы, если у вас нет денег. А большинство американцев не имеет достаточно денег. Все, что им удается заработать, забирает правительство, взамен не давая ничего». Я полагаю, что жизнерадостная Барбара имела в виду свободу смотреть пакостные телевизионные передачи, за которые американцы платят, когда покупают эти дрянные ящики, рекламируемые тем же самым телевидением.

«Я предложил бы, чтобы никто не имел права получать наследство больше, скажем, чем полмиллиона долларов, и чтобы налоги на корпорации были увеличены.

Я считаю, мы должны получать что-то за те деньги, которые отдаем правительству. Мы должны иметь национальную службу здоровья, которую имеет каждая цивилизованная страна в мире, современный общественный транспорт, школы, в которых чему-то учат, чистый воздух, чистую, не отравленную воду, чистую, не отравленную землю. И это нужно сделать, пока мы все не погибли от яда, который выделяет общество, основанное на жадности.

Телевизионную рекламу следует резко ограничить, если не уничтожить совсем. Хотя коммерческая реклама — это единственный достойный жанр искусства, который изобрело наше общество, цель всей этой красивости дурная — заставить покупать ненужный нам хлам, обольщая нас его лживыми достоинствами.

«Фашизм», может быть, для многих только слово. Но реальность в этой стране все чаще заставляет вспоминать о нем. С каждым годом становится все меньше и меньше свободы для все большего числа людей. Проще говоря, фашизм — это контроль над всей страной, осуществляемый одним человеком или олигархией, поддерживаемый военными силами и полицией. Именно поэтому я подчеркиваю опасность продажной полиции, неконтролируемой тайной полиции, как ФБР, ЦРУ, секретная служба, армейская контрразведка, люди из налогового ведомства — сколько этих нашинчающих типов шпионит за нами!

После Уотергейта мы уже не можем притворяться, что не знаем, кто мы, где находимся и каких людей избрали руководить нами. Теперь остается посмотреть, хватит ли у нас сил, желания вернуть народу страну (которая, сказать, по правде, никогда не принадлежала 95,6 процента населения, но должна была бы принадлежать), вступая в наш третий, будем надеяться, не последний век».

Я закончил серию лекций. Конечно, все уже забыли, что я говорил. Да и я тоже в каком-то смысле. Но я никогда не забуду впечатление, которое произвели на меня некоторые аудитории. Молодежи, оказывается, трудно выразить себя, свои ощущения словами. Преподаватели говорят, что нынешние студенты с трудом читают и пишут (прочитав прозу некоторых ученых мужей, я пришел к выводу, что и сами преподаватели не очень-то жалуют наш красивый язык).

Стоит ли винить телевидение? Возможно. Конечно, если человек не увлечется чтением между 6 и 13 годами, он никогда не научится хорошо читать, или писать, или говорить. А как раз в этом переходном возрасте американские дети, увы, становятся телевизионными наркоманами.

Безусловно, тот один процент американцев, который поддерживает письменную культуру, будет существовать и дальше, но ему придется обходиться без дружеской сопричастности широкого читателя, который превратился в широкого зрителя, черпающего удовольствия и инструкции из телепередач и фильмов. Развивается новая цивилизация. Понять ее я не могу.

Не желая того, я избежал ответа на один и тот же наболевший вопрос, который звучал во всех частях страны: «Мы ненавидим эту систему, где мы как в ловушке, но мы не знаем, кто поймал нас и как. Мы не знаем, как на самом деле выглядит наша клетка, потому что родились в ней и нам не с чем ее сравнить, но если у кого-то есть ключ от замка, то где же он, черт побери?»

Большинству американцев не хватает слов, понятий, которые помогли бы разобраться в том, что происходит, и вряд ли это их вина. Примитивная ложь вбивалась в их головы с рождения, чтобы они не бунтовали, не задавались вопросом, что это с нами происходит, не требовали того, о чем они не имеют понятия... справедливости, простой социальной справедливости.

Миф о восходящей социальной мобильности умирает тяжело, но умирает. Родители из рабочего класса производят на свет детей, которые останутся в рабочем классе, в то время как люди умственного труда дают жизнь будущим адвокатам, инженерам, управляющим... Заслуги имеют мало отношения к месту человека в социальной иерархии. Мы заперты в классовой системе, почти такой же жесткой и неподвижной, как та, которую ввел император Диоклетиан в Римской империи.

Перевела с английского Мария БРУК

формации) — всесильны и могут свободно манипулировать сознанием людей. «Сила радио может сравниться только с атомной бомбой», — писал в конце 40-х годов известный социолог П. Лазарсфельд. Гипербола? Возможно, но оценка Лазарсфельда подтверждалась в то время фактами весьма мрачного свойства. «Кажется просто невероятным, — пишет другой социолог, Г. Шиллер, — что средства массовой информации за какой-нибудь год смогли убедить среднего американца, что главная опасность его существованию исходит из России, страны, выступавшей нашим главным союзником в битве с нацизмом, страны, больше всех пострадавшей от войны».

Да, средства массовой информации в США сыграли весьма постыдную роль в разжигании «холодной войны», отравившей существование миллионов людей в США и далеко за ее пределами. Однако за последние 10—15 лет целый ряд ученых выступает с позиции «оптимистов». Они доказывают, что широкие массы не доверяют СМИ, а недоверие и скептицизм сводят на нет попытки «промывания мозгов» с помощью прессы, радио, телевидения. В доказательство они приводят данные последних опросов общественного мнения, показавших, что «высокую степень доверия» к телепрограммам выразили лишь 28 процентов опрошенных, к прессе — 20 процентов.

За последние десятилетия и в самом деле произошло немало такого, что могло переменить коренным образом отношения американцев как к институтам власти, так и к СМИ. Это и провал вьетнамской авантюры, и крупнейшие политические скандалы внутри страны. Наконец идеи разрядки международной напряженности все больше завоевывают сознание простых людей Америки. Однако мы никак не можем недооценивать способность нынешних СМИ отравлять атмосферу взаимопонимания и доверия, без которой немыслима и разрядка международной напряженности.

В последние месяцы СМИ, теснейшим образом связанные с корпорациями, производящими оружие, и Пентагоном, повели яростное наступление против любых мер, направленных на ослабление гонки вооружений. «Правительство Картера, — констатирует в этой связи обозреватель Дж. Крафт, — приступает к своим обязанностям под аккомпанемент угроз политического давления, которое обрушивается на каждое предложение ослабить напряженность в отношениях с Москвой».

Нельзя сказать, что такая позиция — результат недомыслия или непонимания. Наоборот, скорее это вполне осознанная, выношенная, а потому «примеренная» к своим выгодам точка зрения. Но близка ли такая позиция истинным интересам народов? Разделяет ли ее настоящее, а не выдуманное западной пропагандой общественное мнение?

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в интервью видному американскому обозревателю Дж. Кингсбери-Смиту так охарактеризовал точку зрения некоторых кругов на Западе и в США: «Они ведут себя так, будто за последние годы ничего не произошло, ничто не изменилось и мир продолжает находиться в состоянии «холодной войны». Они раздувают одну за другой шумные кампании насчет якобы усиливающейся «военной угрозы» со стороны СССР, требуя все новых военных ассигнований, форсируя гонку вооружений...»

По сути дела, в данном случае речь идет о последовательном внедрении в сознание масс очередного стереотипа — теми же средствами, что и любой «невинный» рекламный миф. Разница только в том, что миф о «советской угрозе» не просто сбивает с толку людей, как, скажем, реклама о том, что «сигареты «Кент» помогают преуспевать в бизнесе». Сея в глобальных масштабах страх перед мнимой угрозой с Востока, «голоса Пентагона» оправдывают безудержную гонку вооружений, а это чревато большим риском для безопасности всех людей на Земле.

БОЛЕЗНИ АФИНЫ-ДЕВЫ

«То, что времени не удалось разрушить за три тысячелетия, автомобиль совершил за двадцать лет» — так оценивает состояние величайшего памятника древнегреческого искусства — Парфенона — Джорджо Дондас, руководитель группы ученых афинского Акрополя. Триста пятьдесят тысяч автомобилей, «населяющих» сегодня столицу Греции, ежедневно напоминают о себе древнему Акрополю, посылая к подножию беломраморного храма Афины-девы клубы ядовитого смога. Будто мало одного смога, превращающего мрамор в хрупкий гипс, над холмом каждый час с ревом проносятся реактивные лайнеры, и шесть миллионов туристов со всех стран ежегодно топчут его камни.

Первый SOS с Акрополя прозвучал еще восемь лет назад, но тогда «черные полковники», правившие страной, решили, опасаясь сокращения туризма, закрыть на бедствие глаза.

Сейчас, наконец, к лечению приступили. Ученые планируют перевести наиболее ценные памятники Парфенона в музей, а на их месте установить копии, укрепить холм (если уж нельзя изменить маршруты самолетов), впрыскивая бетонные растворы, а там, где это будет возможно, укрепить и сами стены, и колонны. Работа предстоит трудная и кропотливая, она потребует много лет и, конечно же, много средств. Вполне возможно, Греция обратится за помощью к международной организации ЮНЕСКО, как обращались в свое время Италия (работы по спасению Венеции) и Египет (спасение храма Абу-Симбел, оказавшегося в зоне затопления).

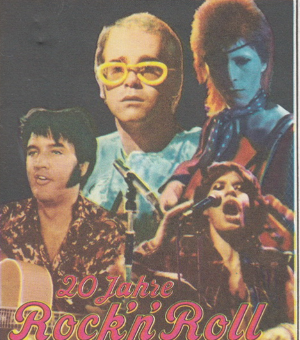
ИЗ ГЛУБИНЫ КОСМОСА В ГЛУБИНЫ ЗЕМЛИ

Первый человек на Луне — американский космонавт Нейл Армстронг, ныне профессор факультета аэрокосмической техники в университете Цинциннати — стал первым ученым, подробно обследовавшим труднодоступные пещеры Лос Тайос в Эквадоре. По преданию, в пещерах этих хранятся сказочные клады индейцев. (Впрочем, какие пещеры их не хранят?) Но Армстронг, конечно, отправился в путешествие не ради призрачных богатств. «Я знаю, каково состояние человека в космосе. В новом же путешествии меня интересовало, как человек чувствует себя глубоко внизу. К тому же как физика меня занимают проблемы физики Земли. Клада мы не нашли, но что может быть ценнее научных данных, в том числе и тех, что собрала наша «команда»!»

«РОК» ЭНД «МУЗЫКА»?

Вот и прошло двадцать лет: двадцать лет рок-музыки! Об этом историческом моменте нас оповещает журнал «Штерн». Действительно, уже двадцать лет шумят газеты и журналы Запада, оповещая о каждом шаге тех, кому когда-то — двадцать лет назад! — было тоже двадцать.

Неплохой это возраст для известного «клоуна» Элтона Джона, для «пришельца» Дэвида Боуи, для «хулигана» Мика Джеггера, для «короля» Элвиса Пресли... Неплохой, к примеру, для того, чтобы из шумного шоу, за которое многие выдавали «рок», сделать музыку, которую ценят в мире. Серьезную музыку под названием «рок». Можно ведь: тому «рок»-музыка за двадцать лет немало дала примеров.

ЧЕМ УВЛЕКАЮТСЯ «УЛЬТРА»?

Человек этот, житель западногерманского города Мёнхенгладбаха, упрашивал репортера журнала «Штерн» не называть его имени, не выдавать адреса и не фотографировать лицо. Но не похвастать своей «коллекцией» не мог: на этом снимке мы видим лишь малую толику частного арсенала, насчитывающего 600 единиц стрелкового оружия, смазанного и готового к употреблению, — автоматов, карабинов, пистолетов. По оценкам полиции, в частном владении в ФРГ находится сейчас не менее 20 миллионов единиц современного боевого оружия. В одном частном «музее» полиция наткнулась на такое, от чего, по словам «Штерна», «в армейской контрразведке рты разинули»: новехонькие противотанковые ракеты, которые и бундесвер-то успел получить всего в нескольких экземплярах — для испытаний. Как свидетельствуют полицейские протоколы, среди самых крупных собирателей оружия — ярые поклонники идей установления «твердого порядка» в духе Штрауса.

ОБРАЗОВАНИЕ. Что нужно среднестатистическому американскому буржуа, кроме того, что считает необходимым реклама? В последнее время выяснилось, что уважающий себя человек никак не может обойтись без степени доктора «гонорис кауза». Желательно солидного университета. А посему два расторопных молодых лондонца — Джером Бир и Дональд Кемпбел, идя навстречу спросу, организовали заочную распродажу фальшивых дипломов фальшивых почетных докторов. Бир специализируется на Кембридже, его коллега — на Оксфорде. Диплом (вкупе с почтовыми расходами) стоит относительно дешево — 100 долларов. Каких-то 100 долларов, и вот висит на стене свидетельство глубоких знаний его хозяина. А знание — сила!

ТРАДИЦИИ. Общинный совет английского городка Уанхелса, что на берегу Ла-Манша, вот уже 600 лет содержит в своем штате наблюдателя за каналом — на случай внезапного вторжения французов (последний прецедент произошел в 1380 году). Недавно очередной наблюдатель Фред Курт попросил купить ему на общинные деньги бинокль. В этом ему было отказано. Мотив — по конфиденциальным сведениям, которыми располагает совет, в ближайшие годы нападения французов не ожидается. Тогда Курт попросил его уволить. И в этом ему отказали — был же прецедент.

В КАНАДУ!.. НЕМЕДЛЕННО В КАНАДУ!..

Не ищите жителя Дюссельдорфа Йозефа Бартольфа в Дюссельдорфе! Не потому, что Дюссельдорф — один из крупнейших городов в ФРГ и человеку там затеряться так же просто, как иголке в стоге сена. Не ищите по той причине, что Йозеф Бартольф, не вынеся тяжкого бремени городской цивилизации — смог, шум, пробки, давки, вечная спешка и непосильные налоги, — из города вышел. Теперь Йозеф Бартольф проживает в пригородной рощице в собственноручно выкопанной землянке. (На снимке Йозеф запечатлен у подъезда своего нового дома.)

Райская жизнь в пригородных кущах рисовалась измученному горожанину! Тишина, покой, птички поют... Увы! И здесь город не дает забыться: то ветеран-грибник, до сих пор помнящий, что в этой рощице лет двадцать назад водились грибы, упадет в землянку, то дети, насмотревшись телефильмов, начинают выслеживать его, как краснокожего индейца, то полиция выходит на него с облавой — оказывается, нельзя в этом лесу жить!

Романтик Йозеф Бартольф мечтает перебраться в Канаду. Там, он слышал, сохранились еще непроходимые леса...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Священник едва подошел к кульминационной части своей памятной проповеди, посвященной невинно погибшим во время землетрясения 6 мая 1976 года, и уже воззвал к богу, призывая его смилостивиться и отвратить от бедных крестьян и горожан Фриули новые несчастья, как вдруг зашаталась, задвигалась волнами земля, и нечеловеческий вой ужаса поднялся из густой толпы прихожан: новое, еще более страшное землетрясение поразило 16 сентября северную итальянскую провинцию Фриули...

На следующий же день после первой катастрофы правящая в стране партия демохристиан образовала специальный комитет по оказанию помощи, наделив его особыми полномочиями и значительным количеством средств. Трагедия Фриули привлекла внимание всей Италии, повсюду шел сбор средств, и потому, с точки зрения политической, всякая бурная деятельность по части «заботы о благе народа», «приверженности на деле гуманным целям» была выигрышна. Деятельность и в самом деле оказалась бурной: скандалы, связанные с коррупцией, присвоением общественных средств, дезорганизацией, инертностью, то есть все те же скандалы, которые были характерны для деятельности правящей партии демохристиан в последние десятилетия, во Фриули расцвели пышным цветом. (Пример: в городке Джемона вместо 100 запланированных бараков для пострадавших через полгода построено... пять.)

Вещими оказались слова руководителя местного отделения демохристианской партии, который, отказываясь от политики широкого сотрудничества с левыми, сказал: «Не менять же политику всего лишь из-за какого-то землетрясения». Тем временем на земле Фриули священники служат новые молебны.

ОБЪЯВЛЕНИЯ. В газете западногерманского городка Аугсбурга было опубликовано следующее объявление: «Сдается в наем робот образца 1956 года, запрограммированный на садовые работы, как-то: стрижка газонов, окапывание деревьев и защита от злоумышленников. Оплата по соглашению. Смазочные материалы предоставляются».

Заинтересованные лица позвонили в редакцию. Каково же было разочарование любителей передовой инженерной мысли, когда выяснилось, что робот невероятно похож на обыкновенного человека. Более того, им и является — таким образом предлагал себя двадцатилетний безработный выпускник школы агрономов.

РЕЖИССЕР БАРМАЛЕЙ ЛЮБИТ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

«Маленьких детей пожирают ведьмы, принцессы приказывают казнить своих женихов и собственноручно насаживают их головы на колья дворцовой ограды. Самих принцесс разбойники, естественно, рубят на мелкие куски и варят из них суп и т. п. — вот что получается со старыми добрыми сказками, когда за них берутся современные кинематографисты. Они, как видно, пользуются тем, что жанр сказки позволяет любые фантазии», — пишет западногерманский журналист Юрген Пфальц. Как выясняется, однако, никакие мрачные фантазии режиссеров-бармалеев не могут сравниться со старой, доброй фантазией братьев Гримм, еще в прошлом веке издавших книгу своих знаменитых сказок. Недавно западногерманское телевидение провело конкурс детских рисунков «Я рисую любимую сказку». Ребята прислали более 12 тысяч работ, и все они такие же веселые и добрые, как эти две — «Бременские музыканты» и «Звездный талер». Лучшие рисунки к любимым сказкам вышли отдельной книгой.

«РАЙ» АЛЬБЕРТО МОРАВИА

Они проходят по сцене цепочкой и поочередно, поворотив к зрителям, то есть к читателям, свои, в общем-то красивые лица, рассказывают о себе. Задник сцены сер, цепочка бесконечна. Они не держатся за руки, каждая из них на этой сцене стоит отдельно, и соединены они лишь волей автора. Истории короткие, и ни одна из говорящих не тратит время на литературные украшения. Информация. Вот я такая-то, со мной произошло то-то и то-то. И поступаю я вот так. Никак не поступаю.

Сцены никакой нет. Есть пространство, в котором проходят перед читателями героини рассказов Альберто Моравиа, лишь для удобства и наглядности назвала я это пространство сценой. Те два рассказа, что публикуются ниже, взяты из сборника «Рай», вышедшего в 1970 году. У героинь, населяющих его, есть все: и красота, и деньги, и положение в обществе. И нет ничего, потому что «рай» этот для них ничем не лучше «ада» Исповеди женщин и в следующем сборнике, «Другая жизнь» (он публиковался в журнале «Иностранная литература» № 8 за 1974 г.). И это название — «Другая жизнь» — тоже иронично, потому что другой жизни нет. Всем этим героиням не хочется жить. Но невозможен поступок — никакой; даже самоубийство невозможно. Какое же самоубийство может быть в раю?!

Что станется со всеми этими женщинами дальше? Моравиа не говорит, не вмешивается и не определяет их судьбу; просто рассказывает коротенькие истории — даже не самые важные из тех, что случались в жизни героинь. Он не подсказывает выхода. Он описывает ситуацию. Ставит диагноз. Не лечит. В сером заднике сцены дверцы нет, и цепочка никуда не уходит со сцены, замыкаясь в кольце. Они особо не мечутся и не плачут. Так, горькая складка у рта, прикрытая косметикой.

«Я пуст, я стандартен. Себя я утратил... Создатель, Создатель, Создатель!» — восклицает Микеланджело Буонаротти в стихах Андрея Вознесенского. Вот эта тема — тема утраты себя, по-моему, главная тема Альберто Моравиа. Он начал ее еще в 1929 году романом «Равнодушные». Сейчас эта тема стала обычной, а тогда и назвать так роман в Италии нужна была смелость. Илья Григорьевич Эренбург писал: «В те времена Италия жила двойной жизнью. То и дело на балконе, хорошо знакомом римлянам, показывался Муссолини; он требовал от своих соотечественников непреклонности и повиновения, терпения и бодрости. Молодые чернорубашечники лихо маршировали на древних площадях. Улыбка считалась необходимой справкой о политической благонадежности. Итальянцев учили не сомневаться, не задумываться, презирать все, что делается за рубежом. Итальянская литература была громкой и пустой; герои посредственных романов жили в атмосфере ложного пафоса и бутафорского романтизма. Читая эти книги, можно было подумать, что фашизм изменил душевную природу людей, уничтожил страсти, ошибки, страдания, сделал жизнь упрощенно возвышенной. На самом деле фашизм был в Италии накожной болезнью, уродующей лицо, но не поражающей важнейших функций организма. Каждый итальянец двурушничал. После разгрома последних противников фашизма в 1924 году страной овладела апатия. Люди послушно подымали руку, приветствуя друг друга, как то было предписано, кричали «дуче», дефилировали на парадах, но делали это механически. Ржа равнодушия разъедала душу. Достойны восхищения и прозорливость, и гражданское мужество Альберто Моравиа, который среди волчьего воя чернорубашечников и опасливого шепота обывателей четыре года работал над своим романом «Равнодушные».

Война раскачала даже равнодушных; война, казалось, скинула со сцены немых соглашателей и велеречивых «ничегонеделателей». Альберто Моравиа пишет «Чочару», роман о простой римлянке, для которой борьба и жизнь — точные синонимы, потому что нет для нее жизни без ежедневной войны за нее. Но сколько в этой женщине отчаяния! «...Себя я утратил... Создатель, Создатель, Создатель!» Не окупает себя кипучая суета Чочары, не рождает она просвета, и нет ответа на то, почему жизнь ее, состоящая из поступков, из добрых или просто вынужденных дел, куда как мало ценится обществом.

«Конформист» — пожалуй, один из лучших послевоенных романов Моравиа (вы знаете его по прошедшему недавно фильму Бернардо Бертолуччи) — о человеке, сознательно, из-за личных удобств выбравшем равнодушие. Потом будут «Римские рассказы» — о людях римского дна. Тем уж совсем нечего и не из чего было выбирать: за них выбор делали обстоятельства. Сам Моравиа говорил, что там, на дне, «...человеку приходится довольствоваться только тем, чтобы продолжать жить, он не может позволить себе роскошь моральных оценок». Вот у героинь более поздних повестей Моравиа — того же сборника «Рай» — такой роскоши хоть отбавляй! и образ жизни, и средства к жизни. Беда одна: жизни в них нет. Каждая одинока, а вместе они — хоровод, замкнутый круг.

Н. ИЛЬИНА

ВЫ СЛИШКОМ БЕДНЫ!

Я вышла замуж восемнадцати лет. Мужу моему было шестьдесят, зато он был именно таким человеком, о каком мечтала для меня еще до моего появления на свет моя мать: богачом. Однако внешность у него была совсем не такая, какая чаще всего бывает у людей, скопивших большое состояние; ни грубостью, ни толстокожестью он не отличался. Как раз наоборот. Из-под густой шапки белых, как серебро, волос на вас смотрело ласковое, розовое, приветливое лицо. Но самой примечательной его чертой были глаза — черные, погасшие, невыразительные. Взгляд их был до странности неподвижен, особенно когда он устремлял его на то, что вызывало (или на того, кто вызывал) у него особый интерес. Казалось, что вместо зрачков у него увеличительные стекла, подобные тому, какие вставляют в глаз ювелиры, чтобы рассмотреть драгоценный камень. В глубине его зрачков никогда не отражалось незнание, удивление, восхищение или любопытство, а лишь безошибочное суждение о ценности того или иного предмета или (почему бы и нет?) человека, о ценности, выраженной прежде всего в деньгах.

И подумалось мне это, как ни странно, не после свадьбы — скажем, во время наших частых визитов к ювелирам и антикварам, а еще покуда он за мной ухаживал, до того, как сделал предложение. Тогда он был весьма почтителен, по крайней мере внешне. Но если вдуматься, чуть-чуть бесцеремонен. Во всяком случае, с точки зрения женщины, не желающей, чтобы ее рассматривали как выставленную на продажу древнюю вазу Танг или статуэтку майя. Мне же, молодой и неопытной, бесцеремонность эта льстила, так что под конец я в него влюбилась.

Он сидел в нашей жалкой гостиной (мы с матерью очень нуждались), почти ничего не говорил и только смотрел на меня. Впоследствии, после нашей женитьбы, я заметила, что он точно так же смотрит на вещи в магазинах.

Я, надо сказать, была очень хороша собой. Но, судя по его взгляду, красота моя вопреки обыкновению вовсе не вызывала робости, не покоряла. У него был вид человека, знающего, что при желании он может немедленно сей предмет приобрести и изучает его лишь для того, чтобы точно определить, сколько он в данный момент стоит и какую пользу из него можно извлечь впоследствии.

Наконец мы поженились. Муж меня любил, я его тоже. В течение двух лет брак наш был, можно сказать, счастливым. Но следует оговорить, что это была за любовь и какое это было счастье. Постараюсь объяснить это на том же примере (я имею в виду глаза мужа). Именно глаза служили ему для связи с действительностью, точнее, с предметами, которые он неустанно приобретал. Его глаза устанавливали эту связь, укрепляли ее и в конце концов обрывали. Она проходила как бы два основных этапа: этап оценки и этап наслаждения покупкой. Первый протекал у торговцев, в магазинах. Муж бесконечно долго разглядывал предмет, не прикасаясь к нему, или же брал и долго вертел в руках, чтобы лучше рассмотреть своими остановившимися глазами сороки-воровки: можно было подумать, все его ощущения сводились к одному, зрительному. Второй этап, этап наслаждения приобретенной вещью, протекал дома, у него в кабинете. Это была просторная комната с большим столом и множеством полок вдоль стен, где он располагал свои последние приобретения. Пока они находились в кабинете, это значило, что он еще ими не насладился. Как он ими наслаждался? По-вампирски: своими погасшими глазами с неподвижным взглядом он «высасывал» вещь, как высасывают через едва заметную дырочку содержимое яйца. Высосанное яйцо, с виду целое, а на самом деле пустое, выбрасывают на помойку. Муж мой, «высосав» вещь, конечно, ее не выбрасывал, до этого не доходило. Просто она куда-то исчезала из его кабинета и больше уже не появлялась.

Любовь мужа ко мне во всем походила на его любование вещами. Он не мог на меня наглядеться; все смотрел,

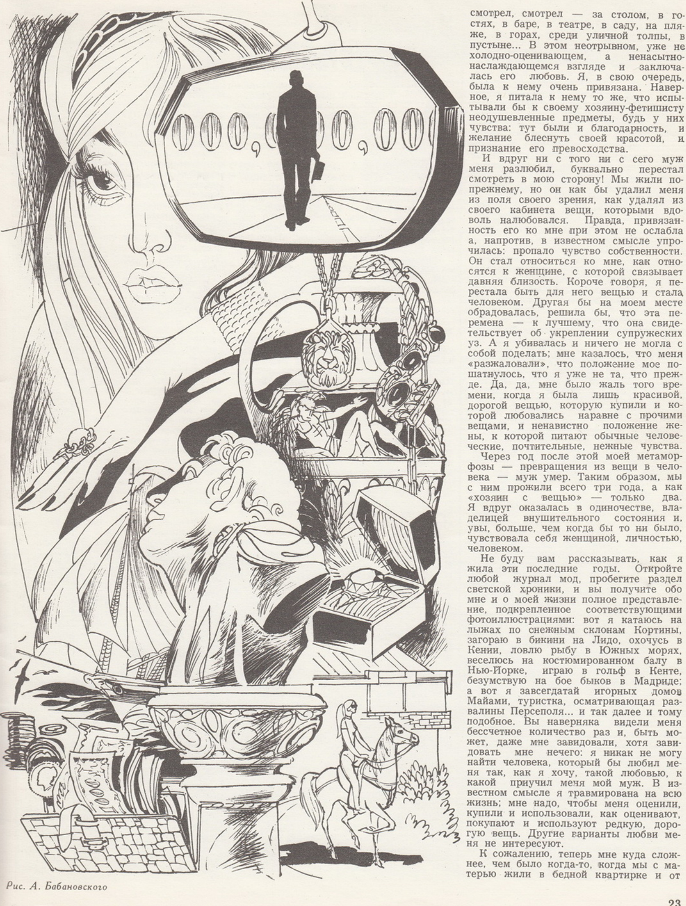

Рис. А. Бабановского

смотрел, смотрел — за столом, в гостях, в баре, в театре, в саду, на пляже, в горах, среди уличной толпы, в пустыне... В этом неотрывном, уже не холодно-оценивающем, а ненасытно-наслаждающемся взгляде и заключалась его любовь. Я, в свою очередь, была к нему очень привязана. Наверное, я питала к нему то же, что испытывали бы к своему хозяину-фетишисту неодушевленные предметы, будь у них чувства: тут были и благодарность, и желание блеснуть своей красотой, и признание его превосходства.

И вдруг ни с того ни с сего муж меня разлюбил, буквально перестал смотреть в мою сторону! Мы жили по-прежнему, но он как бы удалил меня из поля своего зрения, как удалял из своего кабинета вещи, которыми вдоволь налюбовался. Правда, привязанность его ко мне при этом не ослабла а, напротив, в известном смысле упрочилась: пропало чувство собственности. Он стал относиться ко мне, как относятся к женщине, с которой связывает давняя близость. Короче говоря, я перестала быть для него вещью и стала человеком. Другая бы на моем месте обрадовалась, решила бы, что эта перемена — к лучшему, что она свидетельствует об укреплении супружеских уз. А я убивалась и ничего не могла с собой поделать; мне казалось, что меня «разжаловали», что положение мое пошатнулось, что я уже не та, что прежде. Да, да, мне было жаль того времени, когда я была лишь красивой, дорогой вещью, которую купили и которой любовались наравне с прочими вещами, и ненавистно положение жены, к которой питают обычные человеческие, почтительные, нежные чувства.

Через год после этой моей метаморфозы — превращения из вещи в человека — муж умер. Таким образом, мы с ним прожили всего три года, а как «хозяин с вещью» — только два. Я вдруг оказалась в одиночестве, владелицей внушительного состояния и, увы, больше, чем когда бы то ни было, чувствовала себя женщиной, личностью, человеком.

Не буду вам рассказывать, как я жила эти последние годы. Откройте любой журнал мод, пробегите раздел светской хроники, и вы получите обо мне и о моей жизни полное представление, подкрепленное соответствующими фотоиллюстрациями: вот я катаюсь на лыжах по снежным склонам Кортины, загораю в бикини на Лидо, охочусь в Кении, ловлю рыбу в Южных морях, веселюсь на костюмированном балу в Нью-Йорке, играю в гольф в Кенте, безумствую на бое быков в Мадриде; а вот я завсегдатай игорных домов Майами, туристка, осматривающая развалины Персеполя... и так далее и тому подобное. Вы наверняка видели меня бессчетное количество раз и, быть может, даже мне завидовали, хотя завидовать мне нечего: я никак не могу найти человека, который бы любил меня так, как я хочу, такой любовью, к какой приучил меня мой муж. В известном смысле я травмирована на всю жизнь; мне надо, чтобы меня оценили, купили и использовали, как оценивают, покупают и используют редкую, дорогую вещь. Другие варианты любви меня не интересуют.

К сожалению, теперь мне куда сложнее, чем было когда-то, когда мы с матерью жили в бедной квартирке и от

охотников «оценить, купить и использовать» не было отбоя. Благодаря своему замужеству я перешла в ту категорию лиц, которые сами в состоянии купить все, что угодно, но стать чьей-то собственностью уже не могут... Кто позволит себе такую роскошь, как «приобрести» меня? Я ясно отдаю себе отчет в том, что взгляд, который когда-то так меня будоражил, потому что хладнокровно оценивал мои данные, взгляд, который заставил меня влюбиться, когда я была бедна, — такой взгляд теперь мог обратить на меня лишь человек, способный завладеть не только мной самой, но и моим состоянием. Иначе говоря, человек этот должен быть еще более богатым, чем я. С другой стороны, надо еще, чтобы он захотел владеть мною! Следовательно, шансы мои значительно сократились.

В подтверждение своих слов я хочу вкратце рассказать одну историю — о том, как у меня чуть не завязался роман с одним молодым интеллигентом, которого я встретила недавно в доме общих друзей. Его острый ум, его необычайная, даже излишняя серьезность, а главное, новая для меня манера судить о вещах и о людях очень меня заинтересовали. Я стала с ним встречаться все чаще и чаще. Как правило, я назначала ему свидание на какой-нибудь площади, он ждал меня, я подъезжала на машине и забирала его, чтобы махнуть за город, иной раз довольно далеко. Мы с ним разговаривали. Мы только и делали, что разговаривали. Вернее, он говорил, а я слушала. Он был так разговорчив и так красноречив, что я не раз ловила себя на мысли: вот если бы слова ценились на вес золота, он бы наверняка мог меня купить! Но, увы, мой интеллектуал был очень беден. В итоге он, конечно, в меня влюбился. Я, как водится в таких случаях, поняла это по тому, как он на меня смотрел. Но его взгляд, обыкновенный страстный взгляд влюбленного, оставлял меня холодной. Мне нужно, чтобы во взгляде мужчины отражалась хладнокровная, безошибочная оценка моих данных, а на такой взгляд способно вдохновить только большое богатство, такое, которое может без труда поглотить даже мое огромное состояние. Если я стою, предположим, пять миллиардов, то взгляд должен располагать силой, равной, по меньшей мере, пятидесяти. Кстати, первоначальная диспропорция между моей бедностью и богатством моего мужа была намного больше.

Поэтому, когда мой влюбленный интеллектуал сделал первую попытку сближения, я, даже не раздумывая, машинально оттолкнула его, сказав:

— Нет, нет, мы с вами можем быть только друзьями! Чтобы стать моим возлюбленным, вы слишком бедны.

Дело было за городом. Он не произнес ни слова, вышел из машины и зашагал по шоссе. Я его даже не окликнула. Сила его взгляда, когда он хотел меня поцеловать, исчислялась не пятьюдесятью миллиардами, а теми жалкими грошами, которые он получал раз в месяц от отца. Правда, я могла сделать с ним то, что некогда сделал со мной мой муж: оценить его, купить и использовать. Но, как я уже сказала, первый брак меня травмировал. Боюсь, что мой удел — всю жизнь быть вещью в поисках владельца.

Культ семьи

Как только я предстала перед своей свекровью, увидела ее круглую и, в сущности, мрачную физиономию, я поняла всю бесполезность своего визита. Но раздумывать было поздно, она уже приставала:

— Что с тобой, моя деточка? Что я могу для тебя сделать? Поди сюда, сядь и расскажи все по порядку!

Пришлось сделать хорошую мину при плохой игре — набраться смелости и выложить ей всю подноготную о моем муже. Как я и предвидела, свекровь сперва разыграла удивление, будто с неба свалилась:

— Да что ты?! Кто бы мог подумать?! Как же так?! Невероятно!

Потом она начала исподволь подыскивать для Пьетро оправдание:

— Он, наверное, устал, переутомился. Ему необходимо отдохнуть.

А под конец она попыталась взвалить всю вину на меня:

— У тебя, однако, тоже усталый вид; наверное, тоже изнервничалась, измоталась. К тому же ты у нас известная выдумщица и фантазерка, всегда готова сделать из мухи слона. Между мужем и женой чего не бывает?! Боюсь, что ты нуждаешься в отдыхе еще больше, чем он!

Я на нее так глянула при этом, что она струсила — видно, почувствовала, что я могу сорваться, — и стала бить отбой — дескать, конечно, она меня понимает, еще как понимает: у ее покойного мужа, бедняжки, тоже был нелегкий характер, но, как бы то ни было, я не могу не согласиться, что Пьетро прекрасный семьянин, что у него просто культ семьи, да, да, настоящий культ, а раз так...

По дороге домой я все размышляла насчет Пьетро — хотя бы потому, что свекровь своими намеками заморочила мне голову, и я засомневалась даже, не подводит ли меня собственная память. Спору нет, Пьетро действительно боготворит семью. Но во что этот культ выливается! Достаточно вспомнить, например, как у моего мужа складывается день, чтобы сказать: второго такого семьянина не сыщешь! Культ семьи у него весьма своеобразный, сомнительный. В самом деле, что делает примерный муж и отец рано утром, едва встав с постели? Съедает в одиночестве, на кухне, свой скромный завтрак, затем, чтобы не нарушать сонного царства, тихонько выскальзывает из дома и отправляется на работу. Так поступает и Пьетро, что правда, то правда. Но работа-то у него не настоящая!

Он садится в свою малолитражку, едет в центр, доезжает до большого дома, где целый этаж занят под конторы и где он тоже снял себе комнату и устроил «контору». Но только он в этой своей «конторе» ровно ничего не делает, никогда ничего не делал, потому что в ней нечего делать, она даже никакого названия не имеет и неизвестно для чего предназначена! Он усаживается за письменный стол и, вперив взгляд в пространство, дожидается обеденного перерыва. Дело в том, что он ничего не умеет, мой Пьетро, и живет на средства матери, а всю эту комедию с «конторой» разыгрывает специально для меня, чтобы показать, какой он заботливый муж и оборотистый делец. Впрочем, наиболее вероятно, что он таким образом просто морочит голову мне и себе.

Ну ладно. Ровно в час дня он приходит домой и трубным голосом возвещает: «Это я! Я пришел! Варите макароны!» После чего отправляется в гостиную, снимает пиджак, удовлетворенно покряхтывая «о-хо-хо», бухается в кресло и вопит: «Иоле, будь умницей, сбегай-ка за газетой и за моими домашними туфлями: папуля устал, наработался!»

Девочка выполняет просьбу, он сбрасывает ботинки, надевает шлепанцы, одной рукой включает радио, а другой подносит к глазам газету, всякий раз пылко восклицая при этом: «Ах, семья! Что может быть на свете лучше семьи!»

Однако, подойдя к двери гостиной, я из-за его спины вижу, что он держит газету вверх ногами: читать ее в таком положении невозможно. Что касается радио, он настраивает его не на музыку и не на последние известия, а на какие-то шумы: в приемнике что-то свистит, урчит, ревет, потрескивает... Но он упорно называет это «читать газету» и «слушать радио».

Потом мы садимся обедать. Никто мне не поверит, но клянусь, это правда: несмотря на свою молодость (ему едва исполнилось тридцать лет), Пьетро обожает разыгрывать из себя патриарха: становится у торца, около стопки тарелок, и начинает нас «обслуживать»: делает вид, будто разливает суп, но протягивает мне и дочке пустые тарелки, а по-настоящему наливает только себе, после чего садится и причмокивает: «У-у, какой вкусный суп! Объеденье! Ну, ешьте! Чего же вы ждете? Ешьте!»

Странный вопрос: прежде чем есть, надо наполнить тарелки, что я и делаю в благородном молчании, так как хорошо знаю — спорить с ним бесполезно, он сразу набросится: «Вот видишь, какая ты! Лишь бы перечить! А семейная жизнь — это прежде всего согласие и любовь!»

После обеда он снова с громким вздохом облегчения плюхается в кресло и включает телевизор. Повторяется та же комедия, что с приемником: он даже не старается сделать так, чтобы изображение было в фокусе.

Потом он вдруг вскакивает и заявляет: «Хватит смотреть телевизор! Пошли баиньки!» Видимо, так говорили у него дома, в их старозаветной римской пропапской семье, и ему кажется, что употребление подобных приторных, «домашних» оборотов содействует укреплению семейного уюта.

«Баиньки» заключаются в следующем: я должна скинуть платье, туфли и в одной комбинации улечься на кровать. Пьетро даже облачается в пижаму. Но, думаете, он ложится рядом со мной? Ничего подобного — стоит у окна и барабанит по стеклу.

Я с постели его разглядываю: когда он стоит ко мне спиной, я вижу его чахлый затылок, жидкие, прилизанные волосы, а когда поворачивается в профиль, замечаю, что у него полностью отсутствует подбородок. Исходя из этих

двух особенностей его внешности — чахлого затылка и отсутствия подбородка, — я сочинила теорию, объясняющую его поведение. Видимо, рассуждала я, он ненавидит семью, но жить иначе не может: не хватает жизнеспособности. Поэтому он и свел семейную жизнь к ряду ничего не значащих и в своем роде ритуальных действий, носящих настолько абстрактный и чисто внешний характер, что невольно начинаешь думать: а ведь он разыгрывает этот нелепый фарс из мести!

«Баиньки» кончаются тем, что он вдруг спохватывается: «Довольно спать, соня ты эдакая! Мне пора на работу!» — и, бодро-весело насвистывая, переодевается и опять убегает бездельничать в свою «контору». Впрочем, это не совсем так, одно занятие у него все-таки есть: звонить мне по телефону и спрашивать: «Как дела? Все хорошо? Все в порядке? Что ты делаешь? Что поделывает малышка?» В действительности он меня таким образом контролирует. Дело в том, что я не имею права на собственную жизнь, на то, чтобы иметь друзей, свои интересы, развлечения. Мне полагается сидеть дома и вести пресловутую семейную жизнь, семейную жизнь, которую он превратил в пародию.

Но больше всего я страшусь воскресений. Одна из прописных истин, которые так любит изрекать мой муж, гласит: «Воскресенья следует проводить в кругу семьи». Так мы и делаем. Помимо законных двух бабушек и двух дедушек, у него целая прорва теток и дядей, двоюродных сестер и братьев, и все воскресенья уходят на посещение многочисленных членов этого разветвленного клана. Вырядившись, все трое — он, дочка и я — в свои лучшие костюмы, мы снуем вверх-вниз, вверх-вниз на бесконечных лифтах из одной мещанской квартиры в другую: нажимаем пронзительные, надраенные до блеска звонки дверей чиновников, коммерсантов, небогатых врачей и адвокатов, владельцев квартир и «имениц». В пропахших кухонными запахами передних нас встречают одними и теми же возгласами: «Смотрите, кто к нам пришел! Вот приятный сюрприз! Какие вы молодцы! Как вы хорошо выглядите! Ты, Паола, посвежела, и ты, Пьетро, тоже, и у малышки прекрасный вид, она у вас просто прелесть!»

Затем мы располагаемся в гостиной, отделанной под псевдопятнадцатый век или в стиле модерн, и начинается беседа. Пьетро остается верен своей странной извращенности, даже общаясь с родными. Речь, естественно, заходит о других отсутствующих родственниках, и он неизменно интересуется покойниками — недавно (или давно) умершими двоюродными братьями и сестрами, дядями, тетками, племянниками и прочими предками. Присутствующие хором восклицают: «Что ты, Пьетро, он же умер! Вот уже два года, как его нет в живых», а Пьетро, выражая всем своим видом удивление, в десятый раз выслушивает подробности чьей-нибудь кончины, о которой все и думать забыли. Само собой разумеется, вся родня знает, что Пьетро имеет обыкновение интересоваться покойниками. но считает этот его интерес невинным и даже симпатичным чудачеством: значит, он их очень любил, своих родственников, если продолжает считать живыми даже после смерти!

Все это вспомнилось мне в тот раз, когда я возвращалась домой после напрасного визита к свекрови. И вдруг я почувствовала, что больше не могу, что я должна его оставить! Придя домой, я решительно направилась к себе в комнату, швырнула на кровать чемодан и накидала в него свои вещи.

Пьетро застал меня в тот момент, когда я звонила в гостиницу, чтобы заказать номер. Он бросился к моим ногам, обнял мои колени и зарыдал. Рыдания его были так душераздирающи, горе так неподдельно и глубоко, что я положила трубку и не удержалась, погладила его по голове: ведь я так его любила, так надеялась. что у нас в самом деле будет хорошая семья! В конце концов мы помирились, и он поклялся, что отныне все будет по-иному. Только после этого он решился от меня отойти, и тут же раздался его ликующий вопль:

— Иоле, сбегай за моими домашними туфлями и за газетой! Папуля устал, переутомился!

Этот столь хорошо мне знакомый воинственный клич меня насторожил. Я на цыпочках подкралась к двери гостиной: муж, как водится, развалился в кресле, на ногах его были шлепанцы, он держал перед глазами раскрытую газету, радио работало на полную мощность. Но газету он держал вверх ногами, а радио издавало какие-то хаотичные, противные, бессмысленные звуки.

Перевела с итальянского
Ю. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

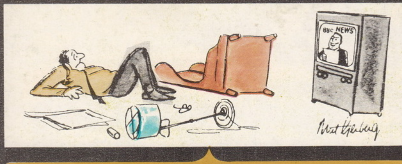
Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитника.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

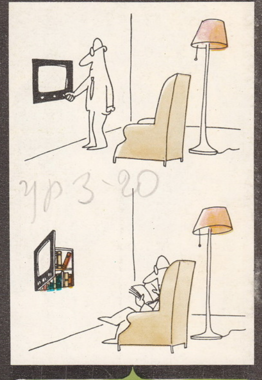
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17/I 1977 г. Подп. к печ. 3/III 1977 г. А06352. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 2446.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Дорогие телезрители, а через две минуты мы сообщим вам действительно сногсшибательную новость!

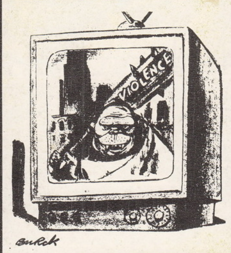

Без слов.

В одном маленьком канадском городке Шарлоттауне преподаватели колледжа задались следующим вопросом: «Кого же дети больше любят — родителей или телевизор?» Опросили детишек от четырех до шести и узнали, что сорок четыре процента предпочитают телевизор папам, а к мамам более лояльны — каждый третий любил маму. Может, это и анекдот, только больно он похож на правду.

А как относятся к телевидению и радио (и к себе перед телевизором) взрослые? Выяснением этого вопроса занимались многие серьезные социологи, многие журналисты; занимались этим вопросом и карикатуристы. То, что они, эти самые карикатуристы, напридумывали, может, тоже анекдот... А может быть, и правда?..

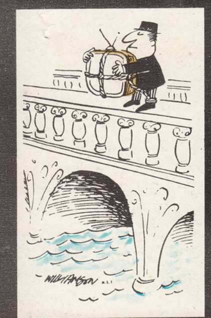
Карикатуры из журналов «Панч» и «Уикэнд» (Великобритания), «Париматч» (Франция), «Эуропео» (Италия) и «Штерн» (ФРГ).

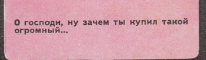
Сейчас, ребятки, вечерняя сказка для самых маленьких — «Вампирелла и семь мертвецов».

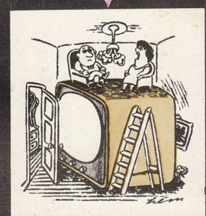
Да вырубы ты свой транзистор, прямо голова раскалывается!

Без слов.

О господи, ну зачем ты купил такой огромный...

Цена 25 коп. Индекс 70781